

[Polaris]

НАТАН ФИАЛКО

НОВЫЙ
ГРАД

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXXIX

Salamandra P.V.V.

**Натан
ФИАЛКО**

НОВЫЙ ГРАД

Salamandra P.V.V.

Фиалко Н. М.

Новый град. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 135 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXXIX).

Роман литератора и психолога Натана Фиалко «Новый град», впервые увидевший свет в 1925 г. — мрачнейшая антиутопия, в которой на всей планете господствует сурово регламентированное царство Правильности и любое отступление от нормы жестоко наказывается. Однако в Северной Америке, где режиму Правильности сопутствует клановая система, вспыхивает восстание... Переиздание этой редкой книги продолжает в серии ряд «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

© Author, estate, 2018

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2018

Н. М. ФИАЛКО

**НОВЫЙ
ГРАД**

(THE NEW CITY)

New York, 1925.

НОВЫЙ ГРАД

Глава первая

ПРАВИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Когда домовые часы пробили шестнадцать, Марья Павловна поднялась с мягкого дивана, на котором она предавалась ежедневному получасовому отдыху, и пошла навстречу своему мужу. Она открыла наружную дверь, за которой стоял в ожидании ее муж, приветствовала его с улыбкой ипустила в дом. Она повела его в ванную комнату, где для него были приготовлены теплая вода, свежее белье и домашний костюм. Марья Павловна возвратилась в столовую, занятую посредине длинным каменным столом и каменными креслами, стоявшими вокруг него; она накрыла стол пятью приборами и принесла готовый обед. Чисто вымытый и освеженный после дневной работы, Иван Васильевич вошел в столовую и, поклонившись жене, уселся в каменном кресле во главе стола. Он был человек большого роста и крепкого телосложения и, как все мужчины его квартала, имел правильную, углом постриженную небольшую бороду. Он беглым взглядом посмотрел на стол, затем, улыбнувшись жене, сказал:

— Я вполне удовлетворен ванной: несмотря на холодок, вода в ванне имела как раз температуру, предписанную для меня врачом.

— Да, — произнесла Марья Павловна, — ввиду неожиданной перемены температуры воздуха, квартальная администрация разослала экстренные распоряжения по домохозяйству.

Возвратилась из школы младшая девочка Анна. Она прошла в детскую ванную; вымылась, переделась в чистое и легкое платье и вошла в столовую.

Марья Павловна имела слабость к своему младшему ребенку. Несмотря на строгое отношение к себе, она не была в состоянии побороть чувства особенной любви к этому ребенку. Она знала, что такое чувство причислялось к разряду эмоций, могущих привести к нарушению Правильности

и даже рассматривалось как явление атавизма. Поэтому, когда девочка подошла к своей матери и с детской невинностью заглянула ей в глаза, как бы в ожидании материнской ласки, Марья Павловна, не без чувства некоторого угрызения совести, молча обняла свою дочь.

Вслед за Анной пришли домой старшая дочь Ольга и сын Димитрий. Димитрий Иванович наружностью был во всем похож на отца, но, будучи психологом по профессии, он не носил ни бороды, ни усов.

Все дети, в порядке старшинства, сели за стол в каменных креслах по левую сторону от отца. Начался обед. Марья Павловна сидела против своих детей по правую сторону от мужа и распоряжалась обедом.

Семья Ивана Васильевича не принадлежала к числу правильных семейств. По определению Демографического Бюро, правильное семейство должно состоять из отца, матери и двоих детей, рожденных в правильные промежутки времени. Когда у Ивана Васильевича, пятнадцать лет тому назад, родился третий ребенок, он понял, что его обязанности по отношению к своему кварталу повысились и он тогда же решил, что ему необходимо сделаться строже к требованиям своей плоти и особенно бдительно следить за правильным развитием своих детей. Семья из трех детей причислялась к разряду нормальных семейств. В квартале время от времени происходили несчастные случаи, как ранняя смерть, искалечение, тяжелая болезнь, или встречались однодетные и даже совсем бездетные семьи; но число таких случайностей и отклонений от правильного брака, благодаря точной и научной деятельности Санитарного Бюро, постоянно уменьшалось; это подтверждалось статистическими данными. Психологическое отделение Санитарного Бюро отмечало в своих книгах Ивана Васильевича, Марью Павловну и их детей в разряде правильных индивидуумов. Это им было прекрасно известно, также как и всему кварталу, а потому Иван Васильевич был совершенно спокоен.

Когда домовые часы пробили семнадцать, обед был закончен. Все встали из-за стола. Иван Васильевич в сопро-

вождении своего сына пошел в гостиную, где на газетной доске, помещенной на общественной стене и под самым потолком, можно будет через пятнадцать минут читать государственные сообщения. Старшая дочь осталась в столовой и под наблюдением матери убирала стол.

Ольге Ивановне шел двадцать первый год и, таким образом, она вступила в начало брачного периода для женщин. Она была ростом пять футов и восемь дюймов, была хорошо сложена, красива, умна и по недавнему предбрачному освидетельствованию Пленарной Санитарной Комиссией была признана правильной. Она стала невестой в обычном порядке, так сказать, автоматически. Санитарное Бюро, получив рапорт комиссии со всеми именами правильных девиц брачного возраста, живущих в этой группе кварталов, разослало каждой из них портреты двадцати молодых людей, которые происходят из другой группы кварталов, а потому им незнакомых. Каждый портрет сопровождался именем молодого человека и подробным физико-психологическим описанием. Из этих двадцати имен молодая девица выбирала одного и, назвав его, выражала свое согласие выйти за него замуж. Впрочем, в общих чертах, все эти молодые люди похожи один на другого, почти все они шести футов ростом, все обладают хорошим здоровьем, все были освидетельствованы Санитарной Комиссией и признаны правильными. Отличались они друг от друга многими мелкими деталями, имеющими интерес для специалиста-психолога, а также и своими профессиями, имеющими только общественное значение.

Ольга Ивановна, получив такой пакет, рассмотрела его, и, не размышляя долго, она указала пальцем на портрет одного молодого человека, у которого глаза были серого цвета: она сама была брюнеткой, и глаза у нее были черные. Марья Павловна была довольна выбором своей дочери, в особенности ее простой и правильной манерой выбирать. Она об этом сообщила мужу, который одобрил выбор и препроводил все бумаги и остальные девятнадцать портретов в Санитарное Бюро. Выбранный молодой человек, вскоре вслед за этим, получил из Санитарного Бюро, в свою оче-

редь, двадцать портретов молодых девиц, среди которых находилось описание и портрет Ольги Ивановны. Кроме того, он получил указание, что Ольга Ивановна осчастливила его своим выбором. Положение, создавшееся таким образом для молодого человека, было уж не такое затруднительное, каким оно может показаться: во-первых, этот молодой человек сам был и есть вполне правильный индивидуум; во-вторых, различие между этими двадцатью девицами весьма незаметное: они все почти одинаково хорошо сложены, красивы и все признаны совершенно правильными.

Свидание будущих супругов еще не имело места. Порядок первой встречи молодых значительно изменился, упростился и, вместе с тем, усовершенствовался с тех пор, как Марья Павловна сама впервые встретила своего жениха. Время приема, продолжительность свидания, расстановка мебели, украшений, приготовление блюд и роль каждого члена семьи, — все это и многие другие мелочи не могут быть делом случайности или импровизации. Церемониальный отдел Бюро Общественных Функций, в интересах Правильности, рассылал всем матерям печатные инструкции о правилах первой встречи молодых, с которыми они должны были ознакомиться для точного исполнения. Марья Павловна не раз участвовала в этой церемонии как приглашенная, но теперь ей предстояло быть первым лицом; кроме того, ее роль осложнялась еще тем, что у нее семья была трехдетная. Она сознавала, что это событие должно начаться, протекать и завершиться согласно принципам Правильности; она непрестанно думала о своей ответственности и, в свободное от работы время, старательно изучала все подробности предстоящей общественной функции. Однако время, когда муж находился дома, было временем семейной функции и, когда он сидел в гостиной против газетной доски, Марье Павловне необходимо было присоединиться к нему для совместного участия в семейно-общественной функции.

Как раз когда на газетной доске появилось первое государственное сообщение, Марья Павловна, в сопровожде-

нии дочери, вошла в гостиную и заняла место рядом с Иваном Васильевичем. Царила безмолвная тишина. Сложный аппарат, находившийся позади общественной стены, с великой точностью регистрировал на газетной доске все движения пальцев домового секретаря, который из своего бюро передавал по всем квартирам получаемые им из Центрального Информационного Бюро последние новости и административные распоряжения. Беспшумно и быстро складывались на доске слова в фразы и целые периоды, которые с торжественным вниманием читались Иваном Васильевичем и его домочадцами.

Первое сообщение гласило: «От Министерства Обмена Продуктов. Второй транспорт пшеницы прибыл из Киевского района и передан комиссии для распределения между мукомолами № 1-10».

Второе сообщение: «Метеорологическая станция предсказывает еще большее понижение температуры сегодня ночью. Завтра, во вторник, дожди с вероятным повышением температуры к вечеру».

Третье сообщение: «Министерство Обороны государственных границ извещает о происшедшем обвале Всероссийской Пограничной Стены в двух верстах к северу от Эйдкунена. За последние пять лет это министерство неоднократно получало рапорты о неудовлетворительном состоянии стены, пришедшей в ветхость в этом месте. Происшедший обвал, к счастью, обошелся без человеческих жертв. Приняты меры к изучению обстоятельств, приведших к обвалу, а также причин непрочности стены в этом пункте».

За этим сообщением последовал перерыв; очевидно, Информационное Бюро признавало, что такая крупная новость, естественно, должна возбудить особый интерес в каждом доме, а потому и позволило некоторое время для семейного собеседования. Иван Васильевич предвидел этот перерыв и счел вполне правильным для себя принять участие в обсуждении события, которое в настоящий момент занимает умы многомиллионного населения Великой России. Он обратился к своей младшей дочери:

— Анна, а ты скажи мне, где это место... В двух верстах к северу от Эйдкунена?

— Я не знаю, папа, где находится это место, — ответила Анна.

— Разве в школе у вас не проходили этого сектора Всероссийской Пограничной Стены? — пытливо заметил Иван Васильевич.

— Мы, папа, знаем только названия главных стратегических пунктов всех секторов.

— Да, да, — заявил Иван Васильевич, — это верно... Эйдкунен не числится среди главных стратегических пунктов Германского сектора. Министерство поэтому и оставило так долго без внимания рапорты о неудовлетворительном состоянии наших укреплений в этом месте.

После непродолжительного перерыва на доске показались бюллетени для Петербургского района и его кварталов. Для двадцать восьмого квартала, где именно жил Иван Васильевич, распределение времени на текущую неделю было следующим:

Вторник — трудовые функции до шестнадцати часов; семейные функции: обед из трех блюд, одно мясное блюдо; семейно-общественные функции: посещение театра № 14; будут представлены: «Укрощение строптивой», трагедия Шекспира (модификация), и опера «Евгений Онегин».

Среда — трудовые функции до шестнадцати часов; семейные функции: обед из четырех блюд, одно мясное и одно сладкое; семейно-общественные функции: прием гостей и ответные посещения. Примечание: следовать порядку, предложенному Бюро Общественных Функций в специальных бюллетенях, разосланных вместе с необходимыми исключениями в квартальные и домовые бюро.

Четверг — трудовые функции до шестнадцати часов; семейные функции: обед из четырех блюд, одно мясное блюдо и одно сладкое; семейно-общественные функции: посещение художественного музея № 10, где профессором Добролюбовым будет прочитана лекция на тему: «Уклонения от Правильности в произведениях древнерусских классиков».

Пятница — трудовые функции до шестнадцати часов; семейные функции: обед из четырех блюд, рыба, фрукты; семейно-общественные функции: прогулка в парк № 5.

Суббота — трудовые функции до пятнадцати часов; семейные функции: обед из пяти блюд, птица жареная, мясное блюдо, сладкое; семейно-общественные функции: посещение комического театра «Смех № 14».

Воскресенье — отдых; семейные функции: ранний обед из пяти блюд, птица жареная, мясное блюдо, сладкое; семейно-общественные функции: посещение площади для народных игр № 28; семейные функции: ужин холодный; семейно-общественные функции: чтение и обсуждение государственных и местных сообщений.

Понедельник — трудовые функции до шестнадцати часов; семейные функции: обед из трех блюд, одно мясное блюдо; семейно-общественные функции: чтение и обсуждение государственных и местных сообщений.

Заключительное распоряжение было следующее: «Дети моложе десяти лет в семейно-общественных функциях не участвуют, но поручаются надзору домовой медицинской помощи». Десятилетний возраст был поворотным пунктом в жизни детей, так как лишь по достижении десяти лет дети допускались в народные школы.

Когда последнее сообщение было снято с доски, семья Ивана Васильевича осталась сидеть на своих местах еще в продолжение четверти часа, сохраняя глубокое молчание. Потом все встали и разбрелись по разным углам гостиной. Иван Васильевич подошел к шкафу, в котором хранилось сто одобренных Психологическим факультетом книг для домашней библиотеки. Вынув книгу № 54 и усевшись в одно из удобных каменных кресел, он принялся за чтение. Название книги было: «Революция как социальный психоз». Марья Павловна села неподалеку от своего мужа, развернула «Инструкции о правилах первой встречи молодых» и с большим вниманием разбирала в своем уме, при помощи этих правил, все подробности церемониала. Время от времени она прерывала свое чтение, чтобы посоветоваться с мужем и, вместе с тем, сообщить ему его собственную роль

в торжественном приеме гостей. Иван Васильевич охотно слушал свою жену и с удовольствием заучивал ее наставления; ему приятно было отрывать от чтения своей книги, от событий древности, от кошмара отдаленных времен, когда люди боролись между собой и враждовали друг с другом.

«Как это, — говорил он сам себе, — люди могли решать общественные вопросы большинством голосов: если пятнадцать говорило — да, а четырнадцать говорило — нет, то вопрос решался в пользу пятнадцати и против четырнадцати. Воля большинства господствовала, хотя в меньшинстве могли быть люди достойнейшие и умнейшие, а может быть, в спорном случае, по обстоятельствам, и более заинтересованные. Если же на одной стороне стояло пятьсот десять тысяч человек, а на другой стояло пятьсот тысяч, то в этих огромных множествах ведь исчезали личные особенности отдельных лиц, и спорный вопрос и здесь решался численным превосходством. Большинство могло зависеть от слепой случайности, или, еще ужаснее, от преступной воли немногих, но могущественных людей; тогда вся миллионная масса ослепленных или уstraшенных людей голосовала против своих интересов и желаний и в пользу немногих людей, их угнетавших».

Особенно тяжело было Ивану Васильевичу вчитываться в хитрые манипуляции выдающихся людей, посредством которых власть имущие обманывали многомиллионные массы и низводили их природную сопротивляемость к ничтожности. Мирно беседуя со своей женой, Иван Васильевич чувствовал спокойствие во всем своем существе и думал о том, как приятно жить в новейшую эпоху, эпоху Правильности.

Димитрий Иванович сидел в стороне и был занят сам собою, погруженный в свои мысли. Он перебирал в своем уме случаи, которые были представлены на обсуждение психологов во время утренней сессии факультета, а также мнения, которые были высказаны в каждом отдельном случае его старшими и более опытными коллегами.

Раздался квартальный гудок. Домовые часы особенно мелодично пробили двадцать два раза. Иван Васильевич встал, положил книгу на место и запер шкаф на ключ. Все вышли из гостиной и отправились в свои спальные покои.

Глава вторая

КРЫЛАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

23) И подошел Авраам и сказал: «Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?»

26) Господь сказал: «Если Я найду в городе Содоме 50 праведников, то Я пощажу все место ради них».

27) Авраам сказал в ответ: «Вот я решил говорить Владыке, я же прах и пепел»...

32) ...«Может быть, найдется там десять?» И сказал Он: «Не истреблю ради десяти».

33) И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом.

Человек достиг совершенства. Физический, умственный и моральный уклад индивидуума завершился. Наука о здравии и порядке господствует. В продолжение веков человеческий разум боролся с предрассудками и уклонениями от Правильности и победил зло. Наука о болезнях и недостатках превратилась в науку о здравии и соразмерности. Человек достиг совершенства, но злая природа ему крыльев не дала; поэтому, когда раздался квартальный гудок, все жители квартала, совершенные люди, усладив свой слух приятным и мелодичным боем домашних часов, немедля вошли в свои спальные комнаты и, одевшись в ночные рубашки, улеглись спать.

Но был один человек окрыленный. Он вылетел из своего жилища, поднялся высоко над крышами бесчисленных домов и, в эту чудную лунную ночь, увидел следующее. Великая река Нева бесшумно катит свои воды в том же направлении, как всегда. По обеим сторонам ее берегов, в правильном порядке, расположены секции Нового Града и его бесчисленные кварталы, уходящие в недостижимую взору даль. Крылатый человек, глядя с вышины своего поле-

та на бесконечное множество плоских крыш, сказал себе: «Я вижу чудовищно-великое кладбище». Одно видение привлекало внимание крылатого человека. Это была гигантская фигура железной женщины, лежащей над старым Петербургом. Ее ноги наполовину виднелись из земли на левом берегу Невы; ее бедра, высоко вздымаясь над всеми другими строениями, вместе с туловищем раскинулись далеко за правый берег; как два прекрасных холма возвышались ее могучие груди, а голова покоилась в сердце старого города. Это видение-статуя была единственным уцелевшим памятником древности. Статуя была воздвигнута вскоре после Великой Русской Революции. Тогда, в мощном порыве творчества, освобожденный народ строил великие памятники. Железная женщина или Лежащая Дева, как она была тогда названа толпой, была центром всемирного интереса. Тогда казалось, что снова наступили времена свободного духа и языческого творчества. Огромная фигура железной женщины, растянувшейся на всю длину старого Петербурга, как муравейник, была полна человеческих существ, которые, предаваясь своим ежедневным занятиям, беспрестанно двигались по ее многочисленным аллеям. В голове статуи помещалась знаменитая национальная библиотека и центральное правительство Великодержавной России. Сколько смеха было тогда, когда железная женщина вдруг, как живая, к концу месяца преобразится, и радостные зрители увидят, как глаза ее засветятся красным светом, а бивший из нее фонтан окрасится в кроваво-красный цвет.

Крылатый человек, паря над величавой фигурой лежащей женщины, не видел ни одного живого существа на огромном протяжении мертвого памятника, оставшегося от великой эпохи. Под ним лежал труп. Высокая каменная стена окружала великий памятник, и ни один человек не мог <ни> приблизиться к нему, ни видеть его. Внутри ограды, земная почва была скрыта и перенесена на далекий юг; на место почвы положены камни, спаянные цементом и бетоном. Внутри ограды нет никакого живущего существа: ни животных, ни растений, ни птиц, ни насекомых — здесь царствует смерть.

Великая река Нева катит свои волны в том же направлении, как всегда. Ее искусственно повышенные берега выложены гранитом и залиты бетоном и представляют две ровные, одинаково наклонные плоскости, которые тянутся в невидимую даль. Мостов нет. Только гигантские бедра железной женщины соединяют оба берега реки. В древние времена по ним, как по мосту, постоянно двигались поезда, трамваи, кареты и пешеходы. Теперь они нелюдими. Только широкая черная тень падает от них на серебристые волны Невы, и ветер разбивает о них свои холодные струи. Изредка заметны правильно устроенные гавани — это массивные строения из камня и железа. Вдоль побережья поднимается глухая каменная стена Великого Всероссийского Амбара — складочного места для всей западно-русской внешней торговли и для снабжения Петербургского района. Подземные дороги, идущие под невскими побережьями, соединяют различные отделы великого амбара между собой, с гаванями и противоположным берегом. В трудовое время в амбаре происходит интенсивная и точная работа. Вторая, противоположная великому амбару, стена по своей отделке и всему наружному виду ничем не отличается от наружных стен кварталов и жилищ. Она, начиная со второго этажа, имеет ряды правильных и небольших окон, выходящих на улицу. Немедленно за амбаром начинается Первая улица и Первая секция кварталов; за ней следует Вторая улица и Вторая секция кварталов, за этой Третья улица и Третья секция кварталов и т. д.

Улицы пересекаются под прямым углом такими же, как они сами, ровными и бесконечно длинными улицами и также нумерованы. в порядке и носят название переулков: Первый переулок, Второй переулок, Третий переулок и т. д. Пространство между двумя улицами и двумя переулками занимает огромное строение эллиптической формы и носит название квартала: Первый квартал, Второй квартал, Десятый, Сотый квартал и т. д. Улицы неширокие, ровные, горизонтальные и с легким наклоном в местах пересечения двух улиц, где имеется приемник для сточных вод. Есть только одна мостовая, идущая от стены к стене, так как

движение по улице только пешеходное. Уличные мостовые сделаны из прочного материала: камня и бетона, и разрисованы они красивыми, разноцветными узорами правильной формы. По улицам время от времени можно видеть человека, идущего по своим делам, а в установленные часы для семейно-общественных функций на улицах появляется множество людей, правильными рядами следующих в определенном направлении. Санитарные правила требуют, чтобы в населенных людьюми кварталах не было ни животных, ни растений, ни птиц, ни насекомых, и поэтому мостовые остаются необычайно чистыми и, вследствие редкого пользования ими, бывают очень долговечны. Место пересечения двух улиц, благодаря эллиптической форме кварталов, представляет площадь с правильно вогнутыми краями: Первая, Вторая, Третья и т. д. площадь. На площадях, кроме приемника для сточных вод, имеется электрическое освещение и водоснабжение, необходимое для обмывки мостовых и глухой нижней части наружных стен.

Внутри кварталов, свободное от строений место представляет эллиптическую площадь и называется двором. Посредине двора имеется небольшое здание, в котором помещается квартальная администрация, представляющая собой ячейку огромного бюрократического аппарата Петербургского района, и другие служебные помещения. Одно небольшое, четырехугольное здание со множеством легко открывающихся дверей защищает от дождя и непогоды вход в подземную дорогу — квартальную ветку, соединяющую квартал с одной из главных подземных железных дорог, которая ведет в Секцию труда, в Секцию административных институтов и в Секцию развлечений. Двор вымощен так же, как и улица и тоже красиво разрисован разноцветными узорами. Квартал имеет крепкие железные ворота, через которые прямо сообщается с улицей и которыми время от времени пользуются жители квартала, но кроме них, имеются еще и другие ворота, называемые запасными.

Крылатому человеку Секция кварталов представляется как мрачный и пустынный океан, изборожденный пра-

вильными, эллиптической формы волнами и пересекающимися под прямым углом линиями. Он летает над заспавшим и неподвижным океаном. Вдали его взору открывается высокая стена, будто берег этого огромного неподвижного океана. У этой стены заканчивается Секция кварталов и начинается Секция труда. Высокая каменная стена окаймляет всю Секцию кварталов и принадлежит бесчисленному множеству фабричных складов, построенных в ряд и примыкающих один к другому. Секция труда отделяется от Секции кварталов улицей, совершенно одинаковой по своим размерам и форме с остальными улицами. Она не нумерована и называется Последней улицей. Жителям первых ста улиц предоставлены в распоряжение подземные железные дороги, идущие прямо и перпендикулярно к Секции труда. Жителям последних ста улиц приходится ездить на подземных железных дорогах, идущих вдоль Секции труда. Жителям остальных кварталов дано направление дорог под известным углом с главным продольным направлением Секции труда. Так рассчитано, чтобы каждому жителю, которому необходимо ежедневно отправлять функции труда, пришлось бы тратить наименьшее количество времени и, приблизительно, одинаковое с каждым другим жителем на разъезды в подземных железных дорогах. Поэтому жители первой сотни кварталов работают в первых десяти фабриках, жители второй сотни кварталов работают в следующих десяти фабриках и т. д.

Секция труда или Великий Рабочий Двор построен по тому же плану, как и Секция кварталов, только здесь строения значительно выше, со множеством окон со всех сторон. Кварталы меньше и имеют квадратную форму. Мостовые сделаны из бетона, серые и неразрисованные. Каждый квартал имеет свою кухню и столовую, в которых работают молодые девушки, окончившие школу образования и еще не достигшие брачного возраста. Когда раздается фабричный гудок, функция труда прерывается. Уже в столовой приготовлено для каждого трудящегося место и еда. В течение четверти часа происходит подкрепление сил работающих и отдых, после чего раздается второй фабричный гудок и

функция труда возобновляется. Когда раздается третий гудок, функция труда заканчивается за день; электрические машины приостанавливаются; трудившиеся направляются к подземным железнодорожным станциям и уезжают в Секцию кварталов.

Тогда на поверхности Великого Рабочего Двора нет ни одного живого существа. Ни один человек, ни одно животное не движется и не дышит; ни одно дерево не шелестит своими листьями; ни одно насекомое, ни птица не проносятся по воздуху. Только ветер, разбиваясь об огромные фабричные здания, с шумом стремится вдоль крыш и стен и гонит по улице вперед серую пыль. Но здесь были люди, они трудились. Здесь находится та материя, к которой прикасались люди; они держали ее в руках и целесообразно над нею действовали; здесь есть материя, в которую люди вложили свою физическую и умственную энергию, в ней воплощена человеческая мысль; здесь материя живет. Здесь были люди, они не страдали и не радовались, но целесообразно трудились и целесообразно перестали трудиться, ибо, на следующий день, труд должен возобновиться точно на том месте, на каком он остановился; это место предвидено людьми и подсказывается самой материей. В Великом Рабочем Дворе нет ни радостей, ни страданий, а есть только труд и мысль, ибо радость и страдание не могут быть целесообразны и не могут быть прерываемы.

Но вот перед глазами крылатого человека появились очертания Секции административных институтов и Секции развлечений, такое богатство форм, размеров и красок! Разбросанные на широком пространстве гигантские строения придают этой секции вид красивых и в беспорядке расположенных холмов и долин. Здесь материя не оживляется трудом и мыслью человека; производство вещей не выходит за пределы секции труда; здесь царство чистого разума, его символов и законов. Это территория Всенародного ума. Умственные люди здесь трудятся для порядка и Правильности, для здоровья и развлечения всего народа. Целесообразная деятельность людей состоит в беспрестанной и неутомимой службе великому принципу чистой и всеобщей

Правильности. Поддержание и развитие, углубление и расширение высшего и всеобязательного принципа Правильности составляет единственную и главную задачу всех людей, трудящихся на территории Всенародного Ума. В живописном беспорядке и как будто вырастая внезапно из ярко раскрашенной бетонной мостовой, высоко поднимаются гигантские здания с их массивными стенами и многочисленными колоннами, с их причудливо отделанными углами и вырезами. Вообще, по архитектуре здания и по окраске его частей возможно сразу определить самый характер института. На огромном пространстве этой секции нет ни улиц, ни площадей, имеющих какое либо название. Каждое здание есть институт и носит его имя. Здесь имеются многочисленные и разнообразные академии, как <то> наук психологических, естественных и технических, военные академии, высшие государственные и административные институты, национальная библиотека, музеи, разнообразные театры. Для ученых и учащихся гостей, приезжающих из разных концов Великодержавной России, отводятся специальные отели; то же самое и для иностранных гостей. В этой секции находится также помещение для иностранных посольств.

Умственный труд не знает законов времени. Ревностным служителям Правильности не предписывается, от какого часа до какого, как и над чем трудиться. Умственная деятельность происходит во все часы дня и ночи. Несмотря на отсутствие регламентации, во внешней жизни этой секции господствует строжайший порядок и дисциплина; за этим следит Институт координаций, включающий в сферу своей деятельности также и Бюро Общественных Функций, имеющее отношение исключительно к Секции кварталов. Деятельность здесь никогда не прерывается; однако движение людей между отдельными зданиями, по мостовым почти не заметно: бесцельного шатания не может быть, а целесообразное передвижение из одного института в другой, близлежащий институт только в редких случаях имело место.

Иностранный гость, прибывающий со своей женой в Петербургский район, уже вперед знает, как ему следует поступать: он немедленно направляется в свое посольство, где в печатной форме, полученной им от своего правительства, представляет свою личность, цель приезда и продолжительность его пребывания в районе. Содержание документа передается телеграфно в Институт координаций, откуда скоро получают в посольство телеграфные инструкции, касающиеся всех нужд иностранного гостя. По прибытии в отель, гостю дают опросный лист, на котором он должен собственноручно записать ответы и, наконец, подписаться в присутствии специального служащего отеля. Заполненный таким образом опросный лист посылается в Институт координаций, в Бюро по приему иностранных гостей, которое, на основании данных ответов, распределяет время гостя и его жены и дает им соответствующие указания. Гостю и его жене отводятся три комнаты в отеле и оказывается всякая помощь по делам, вытекающим из цели их пребывания в районе. За три дня до истечения срока, означенного в данных им ответах на опросном листе, гость получает напоминание по этому предмету из своего посольства.

Всенародные школы для мальчиков и девочек находятся в полосе, примыкающей к Секции труда. Огромное здание с просторным двором, огороженным высоким забором из бетона, составляет одну школу и стоит рядом с другими, такими же строениями для школ, которые отличаются друг от друга лишь только своим номером. Дети первой сотни кварталов посещают первый десяток школ; дети второй сотни кварталов посещают второй десяток школ и т. д. Школьные дети пользуются теми же подземными железными дорогами, на которых их отцы и старшие братья и сестры ездят в Секцию труда, только они выезжают всегда на десять минут позже. Дети до десяти лет находятся на совместном попечении матери и квартальной медицинской помощи, а ко времени поступления в школу уже знают грамоту. После десятилетнего возраста образование и воспитание детей бывает публичным. Оно продолжается шесть лет для девочек и восемь лет для мальчиков. В эти годы

дети приобретают, кроме познаний общеобразовательного характера, полное знание основных принципов Правильности и, благодаря тренировке, до того проникаются последними, что по окончании школы они в действительности становятся вполне взрослыми и благоразумными людьми. Несмотря на то, что физически, в смысле роста и веса, дети одного возраста совершенно одинаковы, сходство их, естественно, не может быть абсолютным, и иногда, при совершенно незаметном для обыкновенного глаза физическом различии, их умственные дарования значительно расходились. Испытанные психологи умеют без труда указать пальцем на характерные черты в физическом строе тех детей, которые отличаются от других своим умственным превосходством.

Дети в школе находятся под постоянным наблюдением ученых-психологов, которым в точности известен каждый акт, его цель и побуждение, который совершается ребенком. Такое изучение характеров подрастающего поколения является необходимым в интересах Правильности: необходимо, чтобы новое поколение, которое постепенно должно заменять старое, было бы в массе точным воспроизведением старого. Дети с резкими отклонениями от нормального, которые, по мнению Психологической комиссии, не могут развиваться в правильных людей, во избежание психического заражения других детей, удаляются из школы и отправляются в детские колонии, где продолжается их воспитание и где они посещаются раз в неделю, поочередно, то отцом, то матерью. По достижении зрелого возраста, воспитанники колонии переводятся в колонии для неправильных. Статистика показывала, что эта мера совершенно оправдывалась, ибо число исключаемых таким образом из школ детей уменьшалось с каждым десятилетием.

Девушка, кончившая всенародную школу и достигшая шестнадцатилетнего возраста, объявлялась женщиной и переходила на положение общественной труженицы. По определению Психологической комиссии и в сотрудничестве с Экономическим Бюро, она приписывалась к тому или другому отделу женского труда. В первый год она должна

работать в качестве помощницы, а потом как самостоятельная труженица вплоть до замужества, когда она объявлялась женой, а потом уже матерью.

Большой трудностью для Психологической комиссии было производить отбор тех из девушек, которые, по ее мнению, годились бы для театральной деятельности. Число таких постоянно уменьшалось. Театральные деятели и деятельницы не так часто вступали в брак. Кроме того, они вообще были мало плодовиты. Да если и случалась нормальная производительность, то они, не будучи вполне правильными, давали отпрысков, которые весьма часто попадали в детские колонии. Если же они оказывались правильными, то обычно для сцены не годились и определялись на другой труд. Между тем, правильное функционирование театров всех родов, в особенности театра смеха, было общественной необходимостью первого разряда. Лежащая на психологах обязанность доставки соответствующего контингента театральных деятелей обращалась поэтому в одну из важнейших социальных проблем и тем более трудную, что они не могли даже использовать весь имеющийся налицо материал, ибо, по мудрому предвидению, необходимо было пропустить мимо глаз известный гипотетический материал, который, в нетронутном виде, возвращался в массовую жизнь для продолжения рода посредством воспроизведения способных к театральной деятельности индивидуумов.

Когда мальчику исполнилось восемнадцать лет, он объявлялся зрелым и передавался в распоряжение военных властей на два года, в течение которых его обучали военному искусству и практически ознакомили его с некоторыми секторами Всероссийской Пограничной Стены. В Психологической комиссии хранилось его школьное досье. По возвращении из военной службы молодой человек подвергся испытанию в двух комиссиях: специально-научной и психологической. Исследовались размер и объем его умственных способностей, специальные дарования и наклонности характера. Это был решающий момент в жизни молодого человека, ибо в постановлениях комиссий вся его будущ-

ность с точностью определялась. Обыкновенные правильные молодые люди, в зависимости от наклонности характеров, приписывались к одному из отделов трудовой секции, а специально одаренные правильные люди вступали в секцию науки, администрации и развлечения. Отобранные таким образом молодые люди, выдающиеся своими умственными способностями, в зависимости от их специальных дарований, определялись в одну или другую высшую школу на пять лет для обучения высшим наукам.

Территория Всенародного Ума занимала обширную площадь неправильной формы, так как ее пограничная линия проникала и в те места, которые по топографическим причинам и в соображениях Правильности не могли быть отведены ни под Секцию кварталов, ни под Секцию труда. Широкий и глубокий канал, примыкающий к территории Всенародного Ума, уже принадлежал следующей секции, Секции парков. Сам канал, побережье и русло которого были выложены бетоном, служил аквариумом. Он был снабжен многочисленными мостами, с которых зрители могли в установленное время изучать или наблюдать за движениями и действиями рыб, пропускаемых через шлюзы в канал. Огромный парк, изрезанный узкими дорожками из бетона, ведущими к главным аллеям и к подземным железнодорожным станциям, представлял собой не что иное, как ботанический сад, где все растения и деревья нумерованы и под соответствующими номерами названы и описаны в каталоге. Таких каталогов имелось несколько экземпляров в каждом квартале. Часть парка была отведена под зоологический сад. Всевозможные животные, птицы и насекомые выставлялись здесь напоказ и держались в условиях, по возможности, приближающихся к естественным. Ярлычки на видном месте указывали номер, под которым они занесены в каталог, часто также виднелась надпись, что это животное или птица принадлежат к так называемой домашней или дикой породе. В парке можно было видеть еще несколько пород свободно летающих птиц и насекомых.

Уже крылатый человек облетел весь Новый Град. Уже вдаль показалась, как черная тень, высокая и длинная сте-

на, конца которой не было видно. То было начало Московского района. С жадным вниманием смотрел крылатый человек на Москву и видел безбрежное море правильных, эллиптической формы кварталов; то была московская Секция кварталов. За ней шла Секция труда, а затем Секция административных институтов и развлечений. «Ведь это точная копия Петербургского района», — подумал крылатый человек. Ужасом переполнилась его душа. «На землю не спущусь», — промолвил он. Крепко взмахнув крыльями, он поднялся в высь и исчез в беспредельном пространстве.

Глава третья

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Здание Психологического института имело форму гигантских размеров человеческой головы, возвышавшейся над шеей, которая была окружена широкой и совершенно ровной площадью. Мостовая сделана из бетона и разрисована линиями в виде пучков, в разных направлениях, а иногда пересекающихся между собой. Местами видны ярко раскрашенные клеткообразные узоры. Вообще же, вся площадь имела вид препарата мозговой субстанции, рассматриваемой под микроскопом. Подбородок головы представлял широкую лестницу и на расстоянии имел вид большой старомодной русской бороды. Зубы были не что иное, как ряд белых колонн. Верхняя губа и усы изображали широкий навес. Крепкий нос посередине лица скрывал множество ваннх комнат и клозетов и служил приемником для всяческих отбросов, которые отводились посредством водосточных труб вдоль усов и бороды в подземную канализацию. По обеим сторонам носа виднелись два балкона, стены которых были сделаны из толстого стекла и изогнуты наружу в форме двух полушарий: это были глаза. Над ними возвышался величественный лоб. Шевелюра с пробором в середине составляла крышу всего здания и благодаря чередованию прозрачного стекла с серым бетоном, устилавшим крышу, она имела вид седой головы. Позади головы, у затылка, начиналась высокая глухая стена, огибающая обширную площадь, на которой стояло несколько небольших домов, — это были помещения для людей, обнаруживших неправильность или замеченных в неправильности, которые жили здесь, ожидая своей очереди, чтобы быть представленными для рассмотрения и обсуждения их дела перед Высшей психологической комиссией. Наиболее выдающиеся по своим дарованиям члены Комиссии, достигшие известного возраста, как и старейшие члены, которые уже освободились от своей семьи, проживали также в

самом здании института. Однако их квартиры по своему устройству и убранству ничем не отличались от квартир в Секции кварталов.

Димитрий Иванович, который недавно окончил пятилетний курс психо-неврологических наук, был обязан ежедневно являться на занятия Психологического института и присутствовать при клиническом разборе всех новых случаев неправильных, которые по распоряжению административных властей поручались отдельным психологам или группе психологов для предварительного изучения и подготовки материала. Разработанные психологами случаи представлялись в клинику, т. е. в Высшую психологическую комиссию, которая всесторонне дискуссировала все установленные факты и предложенные мнения и затем на основании закона выносила решение, которое было окончательным и бесповоротным. Димитрий Иванович, миновав множество аллей и лестниц, ему уже хорошо известных, очутился перед узкой и невысокой железной дверью; достав из кармана ключ, свидетельствовавший об его привилегии психолога, он открыл им дверь и вошел в амфитеатр, где и происходили заседания Высшей психологической комиссии. Он занял отведенное для него место и, по истечении пяти минут, все обязанные к нынешнему заседанию психологи успели войти и разместиться по своим местам.

Председателем заседания был известный своей ученостью и выдающимся умом доктор психологии, философии и медицины, профессор Алексей Никифорович Краснолобов. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, крепкого телосложения, ростом шесть футов без двух дюймов. Его большая голова и умные, пронизательные глаза свидетельствовали о всестороннем и глубоком уме. Как у всех психологов, его борода и усы были бриты. Он открыл заседание, пригласив доктора Воронова представить свой случай. Доктор Воронов встал и дал знак представителю администрации ввести в зал неправильного человека. Через минуту вошел человек средних лет, крепкого физического развития и обыкновенного шестифутового роста. Он носил кругло

постриженную бородку. Сопровождавший неправильного человека представитель власти, происходивший из той же группы кварталов, был одинаковых с ним лет, имел бороду того же фасона и во всей остальной своей внешности был совершенно с ним сличен. Сопровождающий мог бы сказать: «Я представитель администрации и мне поручено следить за этим неправильным человеком». Сопровождаемый мог бы сказать: «Я неправильный человек и нахожусь под надзором этого представителя администрации».

Опытные глаза психологов уже после беглого осмотра пациента открыли целый ряд недочетов в самой его внешности и получили впечатление, что перед ними стоит серьезный больной с неблагоприятным прогнозом. Доктор Воронов стал читать свой доклад:

«Две недели тому назад на газетной доске появилось следующее сообщение: “Вчера в театре № 83, во время представления комедии древнего писателя Грибоедова — «Горе от ума», — как только поднялся занавес в начале второго акта, вдруг некий человек из аудитории встал и громким голосом произнес: “Я спрашиваю, почему в настоящее время нет писателей-драматургов?” Этот человек, очевидно, неправильный, был немедленно выделен из толпы и, по снятии допроса, был препровожден в Психологический институт”. Когда я на следующий день посетил больного, он назвал себя Андреем Николаевичем Артамоновым, жителем 143 квартала. Он давал все другие сведения, касающиеся его личности, совершенно прямо и в полном соответствии с данными препроводительного акта. На вопрос о мотивах его странной и внезапной выходки, пациент заявил, что сам не знает, почему он вдруг выскочил с таким вопросом, но считает сам вопрос правильным, ибо ему непонятно, отчего в древние времена были писатели-драматурги, а в настоящее время их нет и почему современный театр заимствует все свои пьесы из древности или из отдаленной древности. Физическое исследование больного дало в общем следующие результаты: рост — шесть футов и полдюйма; вес — пять пудов тридцать пять фунтов; кости крепкие и тяжелые в нижних конечностях и тазе, более легкого типа

в верхних конечностях, грудной клетке и ключице. Кожа тела средней белизны, хорошей и равномерной пигментации на открытых частях. Волосы на теле растут в обильном количестве, особенно в области лобковой кости; цвет волос черный. Половые органы чрезвычайно развиты, достигая, по градации Дженкинса, буквы “Ж”; консистенция яичек, по этой же градации, приблизительно сто. Руки средних размеров; пальцы рук довольно длинные и с замечательным постепенным сужением по направлению к ногтям. Ногти хорошо сформированы, тонки, со множеством поперечных рытвин на всех пальцах, кроме малого пальца, на котором ноготь недостаточно развит; асимметрией между пальцами и ногтями обеих рук не имеется. Окружность и другие размеры головы средние. Стоит обратить внимание на выдающуюся “*Protuberantia occipitalis*”* и на несколько суженый лоб, покрытый редеющей растительностью. Нос отличается значительным развитием своих хрящевых частей. Уши представляют некоторую асимметрию в неодинаковом развитии их раковин. Зубы все здоровые; правый клык слегка вдается внутрь и немного отклонен назад; расстояние между первыми резцами верхнего ряда зубов заметно увеличено. Нижнее веко глаз показывает тенденцию к отвислости и пигментации; радужная оболочка не представляет никаких пигментных аномалий. Неврологическое исследование дало отрицательные результаты. Аффективное состояние больного неустойчивое, с резкими переходами из одной крайности в другую; преобладающий тон — удрученность и безразличие. На вопрос, как он себя чувствует, больной ответил:

— Весьма благодарен, самочувствие у меня хорошее.

— Сожалеете ли о вашем поступке?

— Я сожалею, что своим выкриком я нарушил Правильность общественной функции и тем поставил в опасность множество лиц.

— Совершенно правильно рассуждаете, но как это вы заблаговременно не подумали о том, что своим выступле-

* Затылочный выступ (*лат.*). (Здесь и далее *прим. изд.*).

нием вы нарушаете в первую голову принцип Правильности, а потому неизбежно разрушаете и свою собственную семейную жизнь, следовательно, и социальное ваше положение?

— Я об этом подумал лишь после того, как я произнес эту фатальную фразу.

— Стало быть, о вашей собственной семье, сидевшей тут же рядом с вами, вы не подумали вовсе; первая мысль, которая вам пришла в голову, когда пожалели о своем поступке, была направлена на других людей, на людей вообще?

— Да, у меня тогда была мысль о людях вообще, о людях моего квартала.

— Но благоденствие людей вообще охраняется принципами Правильности, и вы, нарушив эти принципы, угрожали людям. Каково ваше мнение?

— В тот момент я был взволнован и не подумал об этом.

Из этого разговора можно заключить, что больной обнаружил отсутствие интереса или, во всяком случае, недостаточный интерес к самому себе и к наиболее близким для него людям и, вместо этого, волновался под влиянием абстрактных идей и ложно направленных симпатий. Кроме того, он избегает давать прямые ответы и, несомненно, старается скрывать истинные мотивы, которые привели его к такой развязке. Собранные данные о прошлой жизни больного сводятся к следующему: отсутствие каких бы то ни было заметок из периода его дошкольной жизни, что, конечно, указывает на недостаточную наблюдательность его воспитателей. Из школьного досье больного видно, что он считался мальчиком рассеянным и невнимательным во время классных занятий и отмечался, как чрезмерно увлекающийся во время игр. Благодаря этим особенностям и несмотря на его значительные дарования, ибо он обладал великолепной памятью и без труда хорошо учился, впоследствии Психологическая комиссия не нашла возможным отличить его для научной или административной деятельности. Из его военного рекорда заслуживает внимание часто повторяемая пометка: “Старательный солдат”. В Сек-

ции труда больной считался правильным человеком. Однако квартальная администрация уже пять лет тому назад воздержалась дать о нем свое мнение в Психологическое Бюро: действие, которое совершенно оправдалось два года спустя, когда у больного родился четвертый ребенок. В рекорде квартальной администрации за последние пять лет, больной часто характеризуется в таких выражениях: “Странный человек; эгоист; подозрительный в своих отношениях с женой; недовольный”. Его неправильная четырехдетная семья, несомненно, есть результат его собственной неправильности. Его жена, от природы совершенно правильная женщина, вследствие долгого с ним сожительства, приобрела ряд неправильных черт, и это стало даже заметным для остальных жителей квартала. Она имеет скучный и недовольный вид; часто одевается не в то платье, какое установлено для женщин ее квартала; критикует действия администрации; по поводу отчуждения ее четвертого ребенка и помещения его в детскую колонию, она непрестанно и всем жалуется, хотя ей прекрасно известно, что, согласно принципам Правильности, такое действие властей необходимо и вполне законно и что правильная квартира снабжена только для трех, а не для четырех детей. На вопрос, поставленный ей, как она относится к поступку своего мужа, она заявила, что она уже давно беспокоилась за него и не раз посылала его к квартальному врачу за советом, но он всегда с негодованием отказывался иметь какие бы то ни было разговоры с врачом, что она сама с ужасом ожидала, что ее муж вот-вот совершит какой-нибудь резко неправильный акт. Из этого видно, что в этой семье существовали, в течение многих лет, совершенно ненормальные отношения, которые проявлялись в виде опасных, антисоциальных фактов, как, напр., скуки, недовольства, жалоб, критики, негодования, ужаса и, возможно, еще целого ряда других, более интимных извращений. Не подлежит сомнению, что эта семья была в течение долгого времени очагом неправильности и что первичной причиной этого является природная неправильность нашего больного. Тот факт, что он мог остаться незамеченным Психологическим

институтом в течение стольких лет, объясняется двумя следующими соображениями: во-первых, больной, как известно, в умственном отношении выдвигался еще на школьной скамье, и, как это теперь можно видеть по его уклончивости, сделал для себя практикой жизни скрывать от других свои чувства и мысли (практика, которая была чрезвычайно распространена в древности); во-вторых, окружающая среда, будучи совершенно правильной, естественно, не могла воспламениться неправильностью больного и не принимала активных мер, но реагировала в совершенном соответствии с основными принципами нашей правильной жизни. Этот печальный случай замечателен своим необычайно долгим пребыванием в нормальной среде, и снова ставит перед нами задачу о приискании новых способов к заблаговременному и скорейшему обнаружению уже самых первых признаков уклонения от принципов Правильности».

Доктор Воронов на этом закончил свой доклад и не предложил своего диагноза, вероятно, полагая, что этот случай слишком ясен для всех и что дискуссия может касаться только психологического анализа, но не диагноза.

Началась процедура допроса больного председателем заседания. После нескольких обычных вопросов для проверки личности больного и установления его способности ориентации во времени, пространстве и окружающей среде, как прежней, так и настоящей, доктор Краснолобов вдруг спросил у больного:

— А вы почему думаете, что в настоящее время, в нашу эпоху Правильности, должны быть писатели-драматурги?

— Алексей Никифорович, я никогда и никому не говорил, что в настоящее время должны быть писатели-драматурги, — ответил больной.

— И жене своей никогда не говорили этого ?

— Нет.

— Что же вы ей говорили по этому предмету?

— Я был взволнован игрой и вскрикнул: «Почему в настоящее время нет писателей-драматургов?», вот и все...

— Не думаете ли вы, что вы сами могли бы быть таким же писателем, какими был наш древний классик Грибоедов?

Вольной не ответил на этот вопрос.

— Мне интересно знать ваше мнение: почему древняя эпоха благоприятствовала возникновению и развитию драматических писателей? — снова спросил Краснолобов.

— Мне известно и всем известно, что каждая историческая эпоха давала своих поэтов и писателей, кроме новейшей нашей эпохи Правильной Жизни, — с жаром ответил больной.

— Но вы не отвечаете на мой вопрос, — настаивал Краснолобов.

— Я не знаю, почему древняя эпоха благоприятствовала возникновению и развитию писателей-драматургов.

— Я не спрашиваю вас, знаете ли вы или нет, а только — каково ваше мнение по этому предмету, что вы думали об этом.

— Я не так думал, чтобы быть в состоянии ответить на ваш вопрос, но, действительно, постоянно чувствовал влечение к жизни древности и много раз прочитывал находящиеся в моей домашней библиотеке десять книг по истории древности.

— Эти книги вас волновали, но не образовали никакого мнения в вашем уме? — допрашивал Краснолобов.

— Нет. Содержание этих книг относится к эпохе слишком отдаленной и оторванной от нашей, а потому и непонятной.

— В каком виде сообщали вы свои мнения вашей жене? Вы это несомненно делали, так как она, живя с вами, не могла не заметить, что вы постоянно читаете только эти десять книг, а остальные девяносто книг лежат нетронутыми.

— Я моей жене не сообщал никаких мыслей по этому предмету.

— Но вам известно, что она беспокоилась и даже просила вас пойти посоветоваться с врачом?

— Моя жена, по всей вероятности, заметила, что я часто волнуюсь и плохо сплю.

— Вы, однако, так влияли на свою жену, что она не только что сама не вела строго правильной жизни, но даже критиковала самые принципы Правильности.

— Моя жена не критиковала принципов Правильности, но, повинувшись своему чувству матери, иногда жаловалась на те или другие действия администрации.

Доктор Краснолобов объявил допрос со своей стороны законченным, и, ввиду того, что никто из психологов, членов заседания, не выразил желаний ставить вопросы больному, он передал больного представителю администрации и велел им обоим удалиться. Открыв дискуссию, председатель заседания указал на замечательную уклончивость больного и на дисгармонию между его умственными способностями и его чувством долга; в голове больного, несомненно, имеется масса праздных мыслей, которыми он дорожит и которые он скрывает; он достаточно умен, чтобы понимать, что если жена его жаловалась на действия администрации по отчуждению ее четвертого ребенка, то она этим самым протестовала против основных принципов Правильности, а он сам оправдывает ее, ставя на вид ее материнское чувство. «Из этого мы вправе вывести заключение, — так закончил свою речь доктор Краснолобов, — что он сообщал жене свои мысли, был согласен с нею и ее неправильностями, что он влиял на нее и совратил ее, ибо нам известно, что она, по своей природе, правильная женщина».

Димитрий Иванович не имел права активного участия в дискуссиях Высшей психологической комиссии, но считал необходимым для себя внимательно следить за всеми фазами дискуссии и особенно тщательно запоминать изречения некоторых старших коллег, отличавшихся своим тонким психологическим анализом. Письменных протоколов заседания не существовало, и те или другие важные изречения старших психологов приходилось цитировать по памяти. Но в малых заседаниях комиссии Димитрий Иванович имел право голоса, и здесь ему необходимо было выступать и пространно излагать свое мнение.

Вечером, после семейно-общественной функции, когда Иван Васильевич, по обыкновению, читал 54-ю книгу, Димитрий Иванович сидел в своем каменном кресле, погруженный в размышления. Особенно занимал его случай одной больной женщины, представленной в тот день на обсуждение Высшей Психологической комиссии. Это была совсем еще молодая женщина, недавно вышедшая замуж, и о которой на газетной доске сообщалось следующее:

«Вчера, в воскресенье, во время прогулки в парке № 86, произошел несчастный случай. Ввиду приближающейся грозы был дан сигнал о прекращении прогулки. Черные тучи уже застилали небо, и начали падать крупные капли дождя. Произошло некоторое замешательство. Толпа поспешно и в беспорядке бросилась к подземным железным станциям. На станции № 200, к которой еще не подоспел поезд, среди несколько взволнованной и возбужденной толпы стали раздаваться громкие голоса мужчины и дикие выкрики молодой женщины. Оказалось, что молодая женщина, ложно приняв одного молодого человека за своего мужа, с которым она недавно повенчалась, требовала, чтобы тот с ней поехал домой, настаивая, что он заблудился и повел ее не на ту станцию, которая им нужна, и для того, чтобы не запоздать к поезду, она умоляла его поскорее перейти на станцию № 201. Когда женщина была выделена из толпы, она успокоилась и дала о себе сведения: ее имя Анна Семеновна Каратыгина, жительница квартала № 265, вышла замуж два месяца тому назад за Петра Михайловича Каратыгина, работающего в Секции труда, на фабрике № 27. Молодая женщина была отведена в Психологический институт».

Димитрий Иванович вспоминал, что члены комиссии долго спорили над вопросом — действительно ли молодая женщина ошиблась, приняв чужого молодого человека за своего мужа, или в этом акте могли быть повинны и другие мотивы. Один тонкий психолог высказал мысль, что молодая женщина, под влиянием надвигающейся грозы и вследствие общего возбужденного состояния толпы в момент нарушения Правильности, сама пришла в высокое со-

стояние полового возбуждения и, если она привязалась к этому молодому человеку, а не к другому, то это зависело от одной или нескольких причин: молодой человек, может быть, в тот момент случайно взглянул на нее и своим взглядом притянул ее к себе, или же бессознательно сделал какое-нибудь движение телом, которое возбудило ее желание. С другой стороны, доказывалось, что молодая женщина всего два месяца замужем и за это время она видела своего мужа только по вечерам, в домашней обстановке и при искусственном освещении и не успела еще хорошенько узнать его, а потому, под влиянием чрезвычайных обстоятельств, могла действительно ошибиться, тем более, что ее муж и этот молодой человек суть одного возраста и внешностью, как две капли воды, похожи друг на друга. Доктор Краснолобов привел весьма важное психологическое соображение: «Если бы эта молодая женщина была вполне правильной, то она, в своих домашних отношениях с мужем, должна была ему часто смотреть в глаза и, следовательно, хорошо знать этот орган. Когда, на станции, пристав к незнакомому молодому человеку, она, разговаривая с ним, несомненно заглядывала ему в глаза и должна была заметить разницу в пигментации радужной оболочки, о которой упоминается в докладе. После этого она должна была извиниться и оставить молодого человека в покое, и, таким образом, Правильность не была бы нарушена. Но она так не поступила; она совершенно потеряла контроль над своими эмоциями и кричала диким голосом. Можно сказать вообще, что ее разум слишком мал для ее эмоций, не включает их и не может с ними справляться. Этот общий психологический факт в критический момент обнаружился с полной очевидностью. Однако отношение между разумом и эмоциями остается неизменным во всю жизнь и проявляется как закон природы во всех ее действиях. Поэтому молодую женщину следует считать неправильной».

Доктор Грачев высказался таким образом: «Следует принять во внимание особенно напряженное душевное состояние новобрачной ввиду резкой перемены в половой жизни молодой женщины. Не имея возможности познать в корот-

кое время умственный облик своего мужа, его животную энергию она уже успела прочувствовать и усвоить. Если молодой человек, которого она приняла за своего мужа, случайно обладает приблизительно одинаковыми с ее мужем специфическими свойствами нервной энергии, она с полным правом могла, в момент общего замешательства, быть уверенной, что перед нею стоит ее законный муж. Она, конечно, не должна была дико кричать; но еще вопрос, — кричала ли она дико. Этот термин был употреблен административным чиновником, которому ее голос мог показаться диким криком. Она не могла извиниться перед молодым человеком и отойти от него, так как она была вполне уверена, что перед нею ее муж, и совершенно естественно, что она была глубоко поражена, когда молодой человек заявил, что он не женат. Стоявшие друг против друга два лица не были в одинаковом положении; молодой человек с абсолютной уверенностью знал, что он не женат; его задача, следовательно, была простая. Но молодая женщина была замужем и, при обстоятельствах, которые здесь уже не раз приводились, была в положении чрезвычайно затруднительном.

Можно даже себя спросить, исчерпывается ли Правильность чисто пассивным и отрицательным действием, т. е. не могло ли быть совершенно правильным, если бы молодой человек, приняв участие в ней, разъяснил бы ей ее ошибку. Наконец, и то сказать, ведь с точки зрения нашей пациентки муж, с которым она состоит в браке только два месяца, отличается от этого молодого человека только своим именем, пигментацией глаз, а, может, и своим занятием; т. е. такими фактами, которые естественно исчезают перед величием ее душевных эмоций. Следовательно, поведение молодой женщины на станции, хотя имеет видимость нарушения Правильности, психологический анализ заставляет нас заключить обратное: сама женщина правильна и ее акт был правильным».

Димитрий Иванович, обдумывая мнения, высказанные старшими коллегами, с горечью вспоминал старое изречение древнерусского писателя Достоевского: «Психология

есть палка о двух концах». Правильная ли она женщина или нет, это загадка, которая ему казалась неразрешимой; тем более, что пациентка вела себя совершенно безукоризненно во время всего долгого и тяжелого для нее допроса. Краснолобов в краткой речи суммировал мнения всех участников в дискуссии заключил такими словами: «Принципы Правильности налагают на каждого из нас строгие обязанности. Недостаточно быть правильным в обыкновенных условиях нашей правильной каждодневной жизни; необходимо уметь развивать в себе способности сознательно противостоять внезапному наплыву эмоций и в моменты крайних потрясений, а не терять голову и не совершать неправильное действие.

Возьмите ее мужа. Он в замешательстве не заметил, как отбилась от него жена и затерялась в толпе, он знал, куда следует идти и, очутившись на станции № 201, не видя вокруг себя жены, он ведь не пристал к первой встречной молодой женщине с выражением своих супружеских чувств, хотя на станции не было недостатка в молодых женщинах, по внешности похожих на его жену. Положение его на станции №201 ничем не отличалось от положения его жены на станции № 200, но он, по своей природе, правильный человек и соответственно поступал. Совсем другое дело с нашей пациенткой: случившееся минутное расстройство общего порядка выбивает ее из колеи совершенно, она теряет голову и, в результате, неизбежное нарушение Правильности. Наша пациентка недавно вступила в брак и, по счастью, не беременна; поэтому расторжение брака не приведет к каким либо осложнениям. Она будет жить в колонии для неправильных, в отделении “А”, где она пользуется правом в установленное время посещать Секцию кварталов и где она будет находиться под наблюдением испытанных психологов.

Ее муж, как неженатый, возвращается обратно в семью его отца и там пребывает до тех пор, пока не произойдет новый случай, аналогичный с этим, но обратный. Мы тогда будем иметь случай вторичного брака. Что ж делать? Это необходимо. Такие случаи неизбежны. Статистика послед-

них двух десятилетий доказывает, что число вторичных браков постепенно уменьшается. По закону, право вступления во вторичный брак прекращается одновременно с правом вступления в брак вообще и по достижении тридцатилетнего возраста. Значит, если ее бывший муж не будет иметь специального случая вторично жениться, то он по достижении тридцати лет определяется в колонию для неправильных, на положение "А", но с освобождением от психологического надзора».

Подобное разрешение трудной задачи показалось Дмитрию Ивановичу весьма удачным. Он знал, что для молодой женщины, в сущности, безразлично, жить ли в Секции кварталов или в колонии для неправильных. Жизнь в колонии на положении "А" немногим отличалась от жизни в Секции кварталов. Находившиеся на положении "А" имели свою отдельную Секцию труда и отдельную Секцию развлечений; последняя, впрочем, особая только в смысле времени. Положение "А" было создано администрацией, вследствие необходимости, в известных случаях насильственной приостановки продолжения рода. Все жители колонии пребывали в безбрачии.

Глава четвертая

МОЛОДОЙ НАРОД

В первой группе кварталов назревали события: приближался день свадеб. Этот день был кульминационным пунктом брачной эпохи, продолжавшейся ровно две недели. В течение этого времени молодые люди, герои эпохи, не ходили в Секцию труда; специальные инструкции о времяпрепровождении высылались брачным отделом административного бюро. В году были четыре брачные эпохи: весенняя, летняя, осенняя и зимняя.

Ольга Ивановна, для которой совершенно благополучно прошла первая встреча с ее будущим мужем, теперь находилась в распоряжении брачного отдела, который вел все дела женихов и невест этой группы кварталов; направлял все их движения и являлся для них высшей властью. Брачный отдел действовал на основании правил, выработанных Психологическим институтом; эти правила очень редко подвергались ревизии, и изменения производились не иначе, как по особо важным мотивам. Молодой народ, название, которым пользовался брачный отдел в своих обращениях к женихам и невестам, получал наставления и подготавливался к новой жизни. Самым важным днем эпохи, естественно, был день самой свадьбы.

Специальные инструкции, полученные Ольгой Ивановной в тот день, гласили: «В 8 часов частная функция: присутствие на сборище в Доме Особых Указаний № 1. В 12 часов семейная функция: обед из шести блюд, рыба, поросенок жареный, сладкое. Отдых. В 18 часов семейная функция: ужин из шести блюд, два мясных и сладкое. В 19 ½ часов семейно-общественная функция: посещение театра Смех №5. В 23 часа встреча новобрачных в их новом доме. В 23 ½ часа родители разлучаются с молодыми, благословляя их счастливое гнездо, и сами отдельными семейными группами расходятся и возвращаются в свои квартиры».

В инструкциях на этот раз была дана частная функция. Недолго размышляя, Ольга Ивановна, как правильная женщина, своим природным умом сообразила, что эта функция касается ее одной и что, без помощи родителей, никем не сопровождаемая, ровно в 8 часов она должна быть в Доме Особых Указаний № 1. Когда она очутилась на указанной в примечании к инструкциям, станции подземной железной дороги, она там застала множество других молодых девушек-невест, имевших на руках такие же инструкции. Вскоре подоспел поезд. Все собравшиеся на станции невесты расселись в вагонах, заняв места соответственно номеру инструкции. Раздался пронзительный и веселый свист машины и, отъехав от станции, поезд на всех парах умчался в Секцию административных учреждений. Первый Дом Особых Указаний обслуживал нужды первой группы кварталов. Всякий житель секции кварталов посещал раз в своей жизни Дом Особых Указаний. Это была частная, даже секретная функция, которая выполнялась раз и только один раз каждым правильным индивидуумом. Кто не участвовал в этой функции, тот не имел средств узнать что-либо о ее характере и смысле и даже не знал о существовании домов особых указаний.

Без волнения и без особенного любопытства Ольга Ивановна вместе с другими невестами вышла из подземной станции и очутилась на открытой, ровной и обширной площади, гладко вымощенной бетоном и окрашенной в однообразный, темно-красный цвет. Крутом площади стояли высокие дома, разделенные узкими улицами. Стены домов, выходящие на площадь, не имели окон и были окрашены в темно-бурый, почти черный цвет. На середине площади стояло единственное грандиозное строение белого цвета и формой своей напоминало женский торс, вкопанный в землю по самую лобковую кость. Пуп был не чем иным, как огромного размера круглым окном. На уровне груди здание резко прекращалось плоской стеклянной крышей. Это и был Дом Особых Указаний для Новобрачных № 1. У входа здания, сделанного под самой лобковой костью, стоял в ожидании гостей ассистент профессора Соколова, — молодой врач-

психолог и, приятно улыбаясь навстречу невестам, знаками руки приглашал их подойти и, когда они приближались, он весело приветствовал их и просил следовать за ним. В полуосвещенной аудитории, куда были приведены молодые девицы, им было предложено занять места по правую сторону от сцены; левая половина аудитории была уже занята прибывшими, согласно инструкциям, на пять минут раньше молодыми людьми-женихами. Когда все уселись, свет в зале был потушен, и немедленно пучок лучей из прожектора был направлен на белую сцену, находившуюся перед зрителями. На сцену вышел профессор Николай Андреевич Соколов, доктор истории и санитарных наук. Всякий шорох в аудитории прекратился и воцарилось глубокое молчание.

«Молодой народ! — так начал речь проф. Соколов. — Вам теперь предстоит напрячь все ваше внимание на изучение одного предмета, предмета, о котором вы до сих пор еще ничего не узнали, но о котором редкие из вас, может быть, имели кое-какие неясные представления или догадки. Этот предмет представляет огромную важность для вас, вступающих в брак, и от ознакомления с ним, строгого применения его принципов в ваших отношениях между собой, как супругов, зависит не только ваша собственная будущность и вся ваша жизнь, как правильных людей, но и жизнь и благоденствие всего нашего народа. Этот предмет обозначен названием — «Половой гигиены» или санитарных правил половой жизни. Вы уже выходите из периода жизни, когда половая деятельность, строго говоря, была недопустима и когда правильные половые функции совершенно для вас невозможны, а потому вам и неизвестны. Вы вступаете теперь в новую фазу жизни, когда правильные половые функции становятся неизбежно необходимыми, как естественный процесс обновления, как процесс возрождения и продолжения расы посредством воспроизведения новых человеческих индивидуумов. Но прежде, чем изложить и продемонстрировать сам предмет, необходимо вам дать исторический очерк социальных пертурбаций, стоявших в тесной связи с неправильными половыми функциями людей,

живших в отдаленные эпохи, предшествовавшие нашей эпохе Правильности. В чем состоит главное отличие нашей эпохи Правильности от других предшествовавших эпох?..

Наша эпоха характеризуется, прежде всего, точной и научной регламентацией всей жизни каждого отдельного человека и всех людей, вместе взятых, посредством всестороннего изучения человеческой жизни в ее сущности и в ее проявлениях. Зная человеческую жизнь, мы ею управляем; поскольку она неуправляема, она для нас окончательно непостижима. Стремление к познанию жизни существовало во все времена и даже в большей мере в предшествующих эпохах, нежели теперь. Этим мощным стремлением к познанию, вместе с стихийным невежеством, отличалась древность от нашей эпохи. Незнание порождало беспомощность; необходимость действовать порождала неразумные действия; а все вместе составляло хаос. В отличие, следовательно, от нашей эпохи Правильности, все прежние эпохи могут быть названы эпохами хаоса.

Половая жизнь людей в хаотическое время имела такое же значение, какое она имеет теперь, т. е., она была проявлением творческих сил физиологического индивидуума и выражалась посредством полового акта и последующего от него зарождения новых индивидуумов, или продолжения рода человеческого. Но в хаосе половая жизнь приобретала целый ряд новых особенностей, которые в настоящее время у нас неизвестны. Особенности эти вытекали из самих свойств полового акта, а именно из крайней его необходимости для всякого здорового человека и из необычайно высокой меры наслаждения, доставляемого этим актом. Кроме этого, ограничения, наложенные природой на человека, в особенности на мужчину, находились в зависимости от его нервной энергии и привычки, и, соответственно этому, половая деятельность в смысле интенсивности представляла огромное различие одного человека от другого и в одном и том же человеке в разные периоды его жизни; наконец, она зависела также от многих других причин, как собственное усилие воли, внешнее воздействие и т. д. У женщины при известных условиях половая дея-

тельность могла стать экстенсивной и превзойти всякие границы естественных потребностей. Ввиду отсутствия природных ограничений к совершению полового акта у женщины и ее врожденной пассивности и безразличия к нему, она часто соглашалась на половой акт за плату. С другой стороны, мужчина, извлекающий высшую меру наслаждения из полового акта, часто соглашался платить женщине за ее готовность содействовать удовлетворению его похоти.

Этот род половых отношений был известен под именем проституции. Следует указать на два важных факта, связанных с проституцией: первый, появление и распространение специфических половых болезней, которые в настоящее время у нас совершенно не встречаются, и второе, извращение самой формы полового акта благодаря намеренному исключению из него природной цели, то есть зачатия нового индивидуума, и вследствие необузданной жажды наслаждений. Есть свойство человека всякому своему действию придавать моральное значение. Половой акт, будучи величайшим действием, связан поэтому с великими моральными переживаниями. На почве половых отношений создавались величайшие произведения искусства и поэзии. Величайшие творцы древности черпали вдохновение в своей половой любви. Наука, искусство, государственная деятельность, словом, все проявления человеческого духа интимно переплетены с чувством половой любви и половой деятельности. Цивилизация, т. е. сознательное отношение человеческого общества к своим собственным функциям, всегда применяла более или менее определенный критерий морали к половым функциям, высшим и низшим, порицая то одни, то другие, как недозволенные. Несмотря на это, всегда были люди, которые в своей половой практике не хотели или не могли жить согласно общепринятым принципам морального кодекса. Обычай и закон строго карал и наказывал всякое обнаруженное отступление от нормальных половых функций. Может быть, что строгие преследования, развиваясь до крайности и препятствуя нормальному и естественному ходу половых потребностей, приводили к обратному результату и содействова-

ли еще большему извращению вкусов и распространению ненормальной половой жизни. Известны в истории эпохи крайней распущенности, чередовавшиеся, как бы по имманентному социологическому закону, с эпохами строгой и воздержной жизни. Решительный поворот в истории борьбы с половыми излишествами и извращениями наступил в начале XX-го века, когда, вместо прежних способов прямых и жестоких наказаний, стали применяться вполне научные методы исследования форм извращений и их причин и широкое использование результатов изучения в их неуклонном приложении к жизни каждого человека, начиная с момента пробуждения полового инстинкта. Борьба, тем не менее, была суровая и безжалостная к основным принципам свободы и достоинства человека благодаря своей внезапности и всеобщности, этим двум правилам, составлявшим главные характерные и неизменные черты нового метода борьбы. Полное запрещение половых функций вне брака, проведенное одновременно во всех городах и во всех странах посредством применения рациональных методов, исключавших всякую возможность внебрачной половой жизни, привели к ряду неожиданных результатов.

Моралисты и законодатели всех времен считали недозволенным, а потому заслуживающим порицания и наказания всякое половое извращение и половую функцию вне законного брака. Но только когда цивилизация достигла высокой степени развития и весь общественный организм, во всех его разветвлениях, подпал окончательно под контроль одного центрального механизма, тот или другой закон или запрещение могли быть проведены и навязаны массе населения с совершенной рациональностью и всеобщностью, т. е. не минуя никого и касаясь каждого отдельного индивидуума. Церковно-полицейские законы, осуществляемые при помощи новейших научных методов, действовали в людской среде с силой законов природы. Наследственность, жившая в мозгу и теле человека, наследственность, составляющая кумулятивный результат многовекового опыта предшествующих поколений индивидуумов, половая жизнь которых была необузданной или более сво-

бодной, или, под гнетом запрещений, уклонившейся в ненормальные формы, эта наследственность, подчиняясь своим особым законам стихийной природы, наткнулась внезапно на непреодолимое, внешнее препятствие, на необычайно стойкое сопротивление во всесторонней, хотя и невидимой и скрытой работе неугомонных научных методов. Отправление половых функций вне брака стало невозможным. Вступление в брак сделалось необходимостью для всех людей. Но вследствие личных, социальных и экономических условий брак был часто неосуществимым делом. Кроме того, в браке только в немногих случаях, где было соответствие характеров обоих супругов, или где такое соответствие выработалось после долгой и совместной их жизни, половая жизнь не терпела особенных ограничений. Громадное большинство людей под давлением своих унаследованных, но и естественных половых потребностей, не получивших нормального удовлетворения, принужденно злоупотреблять своим собственным телом, прибегая ко всевозможным формам извращения половых функций. Все эти формы половых извращений известны под одним общим именем «мастурбации». Нормальный половой акт заменился мастурбацией, которая, по необходимости, в одно время стала всеобщей и практиковалась всеми людьми и в течение многих лет. Отвращение к мастурбации у многих людей было побеждено физиологической необходимостью, но еще больше незаметным поощрением ученых-гигиенистов, объявивших умеренную практику мастурбации безвредной для здоровья взрослых мужчин.

Физическое и душевное ослабление были прямыми результатами мастурбации. Среди других последствий необходимой и, так сказать, насильственной мастурбации, следует указать на измельчание характера и потерю самоуважения в человеке. Это приводило к мелким дрязгам и вздорным, мальчишеским препирательствам среди людей, а серьезные, великие конфликты темпераментов, конфликты, ведущие к истинно-трагическим эпизодам, стали неизвестны. Но самым жестоким последствием насильственной мастурбации и социальной беспомощности индивидуума бы-

ло громадное распространение умственно-душевных болезней. Заболевший умопомешательством человек превращался в безответственного члена общества и часто, в течение очень многих лет, нуждался во врачебном уходе и общественном призрении. Умственно-душевные больные сегрегировались в особо для них устроенных домах-больницах, в которых они оставались до самой смерти.

Новизна метода борьбы с проституцией состояла в его универсальности, в одновременном его применении повсеместно и с постоянно возрастающей энергией. Технические средства для выполнения такой гигантской работы уже существовали тогда в виде целого ряда международных организаций, которые, благодаря научным изобретениям, уничтожившим природные представления о Времени и Пространстве, стали единообразнее по своим свойствам, и, в действительности, ближе между собой и, вследствие этого, развили свои чисто физические силы до небывалых размеров. Люди, в чьих руках находились эти технические средства, обладали огромной общественной силой и контролировали действия и движения всех остальных людей. Моралисты всех времен, проповедовавшие воздержание и боровшиеся с проституцией, оказывались всегда между двумя сопротивляющимися им силами: с одной стороны была инертность людских масс, в борьбе с которой истощалась их энергия, а с другой стороны, они часто натывались на противодействие властвующих людей, которые в проституции видели фактор, ослабляющий наступательное движение людских масс, и, уже этим самым, поднимающий их собственные силы и влияние. Борьба с проституцией тогда сводилась к спорадическим и разрозненным вылетам небольших морализирующих групп людей в тех случаях, когда проституция обнаруживалась чрезмерно ярко и приходила в резкое столкновение с явной моралью. Эта борьба имела характер общественной реакции против активных и возмущающих нравственность проявлений проституции, и борьба становилась пассивной и исчезала с поверхности, как только достигалась ее немедленная цель. Когда властвующие люди пришли к сознанию неизмеримого превосход-

ства своих сил благодаря новейшим техническим изобретениям, и совершенной беспомощности людских масс, они в то же самое время и даже внезапно поняли, что уничтожение проституции не только не опасно для них, но представляет даже известные выгоды, и, после дальнейших исследований и тщательных, хотя и безжалостных социологических экспериментов, узнали, что борьба с проституцией не только поднимает их престиж, но в корне подорвет силу сопротивляемости в людских массах. Тогда они перестали противодействовать моралистам и отдали им в руки могущественный бюрократический аппарат, снабженный новейшими техническими средствами, и потом оказывали им всякую помощь и всяческое поощрение. И вот произошло нечто странное: человеколюбивые моралисты и ученые, став у власти, сразу превратились в ханжествующих лицемеров и сикофантов! Но огромный бюрократический аппарат был пущен в ход, и назад возврата уже не было...

Что проституция есть великое зло и безнравственность — проповедовалось моралистами в течение многих веков. Поэтому борьбу с ней все люди считали хорошим делом; что половые болезни существуют и распространяются благодаря проституции, это люди знали, поэтому борьбу с ней сами одобряли. Когда пропагандисты-сикофанты говорили людям, что им следует воздерживаться от половых функций вне брака, ибо это поддерживает проституцию, которая подтачивает здоровье всего народа и неморальна, и что долг каждого человека обуздать себя и быть справедливым к женщине, которая якобы имеет одинаковые с ним естественные права, и, что все это необходимо в интересах общего блага, люди молчаливо соглашались с ними, ибо аргументация сикофантов им казалась неотразимой и даже соответствующей их собственным мыслям. Власть имущие люди преследовали следующие цели: посредством борьбы с проституцией они затрагивали жизнь каждого человека, вмешиваясь в нее самым насильственным и грубым образом; запрещение касалось не какой-нибудь обыкновенной и невинной физиологической функции или обычая, вроде запрещений, постоянно существовавших в народных рели-

гиях, как напр. запрещение есть свиное мясо евреям, или пить вино мусульманам, или соблюдение постов, или ношение того или другого платья и т. д.; теперь запрещение и регламентация задевали самую важную физиологическую функцию человека, такую функцию, с которой связаны самые тонкие и самые мощные проявления человеческого духа как в области эмоций и морали, так и в области науки. Это было определенное, по своим предписаниям, вмешательство в такую функцию, которая лежит в основании всей творческой жизни человека и природа которой в те времена и не могла быть достаточно изученной. Всякий человек для удовлетворения своих половых потребностей должен был вступить в брак, а в те времена экономического хаоса, вступление в брак было связано с материальными тяготами, которые делали человека зависимым от другого человека и убивали в нем чувство независимости и свободу духа.

Вмешательство и регламентация делались не только посредством пропаганды сикофантов, но, главным образом, при помощи законодательства. Новые законы, регулирующие половую жизнь, были обязательны для всех, и отступления наказывались с необычайной строгостью. Вмешательство в половую жизнь людей оказалось, поэтому, могучим орудием преследований и частых наказаний, орудием, которым власть имущие весьма охотно пользовались. Власть имущие вдруг увидели в борьбе с проституцией не только средство поднять свой престиж, как людей благотворительных и высокоморальных, но средство достигнуть гораздо более практических целей, а именно: уничтожения плодов либерализма XIX-го века. Они в эту борьбу бросились, поэтому, с жадной мести и с надеждой уничтожить в корне все завоевания предшествовавшей либеральной эпохи.

Запрещение половых функций вне брака имело немедленным результатом громадное распространение мастурбации, которая неизбежно приводила к изменениям в характере человека. Человек терял чувство собственного достоинства и самоуважения, делался мелочным и придиричивым, раздражительным и трусливым, неспособным к здоровой

умственной деятельности, но в то же время становился более способным к повиновению и к исполнению простых обязанностей и действий, связанных с его работой на фабриках, принадлежащих власть имущим. Сила сопротивления людских масс была сломлена и уничтожена. Те из людей, которые не выдерживали борьбы с плотью и, благодаря интенсивной мастурбации, заболели умопомешательством, элиминировались из общества, как бесполезные и опасные, и сегрегировались в домах для умалишенных. Сегрегация считалась, кроме того, санитарной мерой, так как она служила средством освобождения человечества от нежелательных элементов, т. е. от людей с порочной наследственностью.

После XIX-го века, времени расцвета либеральных идей, когда люди массы проникались идеями равенства и духовной независимости, когда освобождение от вековых национальных и религиозных предрассудков, от церковного и аристократического гнета стало заметным во всех цивилизованных странах, власть имущие поняли, что, для сохранения своего господства, низведение людской массы к положению бессильных рабов должно быть достигнуто всеми мерами и всякой ценой. Главным средством к достижению этой цели было старое, испытанное средство, которым они постоянно пользовались, которое им диктовалось самой реальностью жизни, самой общностью их интересов; это средство было у них в руках, оно усилилось до гигантских размеров благодаря прогрессу науки и техники; это средство состояло в организации, в точно работающей, усовершенствованной бюрократической машине, действующей одновременно и повсеместно на всем земном шаре. Люди массы, опасаясь за свои права, приобретенные в упорной, долгой и мучительной борьбе с властью имущими, а главное, подчиняясь установившейся привычке подражания внешним формам цивилизации, сами стали организовываться наподобие своих врагов, якобы для защиты своих свобод, и этим совершили фатальную и непоправимую ошибку. Организуясь, они променяли самородное драгоценное золото на фальшивые бумажные деньги; пренебрегли своей

природной, стихийной силой и уцепились за силу воображаемую и химерическую. Организуясь, они обнажили перед врагом смертельно слабые части своего духовного организма. Организация людской массы, именно благодаря многочисленности своих членов, не могла быть сильной; благодаря всеобщему невежеству и отсутствию новейших методов сообщения и связи, она была разрозненной и недееспособной. Великая сила людей массы заключалась в их неорганизованности и внешней разрозненности, в обособленности каждого отдельного человека. Это прекрасно знали власть имущие и поэтому употребляли все усилия на приведение людей масс к состоянию организованности. Пропаганда сикофантов была пущена в ход. Под видом благожелательности и гуманитарного стремления прийти людям на помощь им проповедовалась необходимость организоваться. Власть имущие, сами организованные и, владея могущественной бюрократической машиной по преследованию и контролю людей, не могли бы, именно благодаря высокой степени совершенства своего бюрократического аппарата, целиком захватить каждого отдельного человека в разрозненной массе индивидуумов. В течение многих лет и даже поколений шла подготовительная работа. Сикофанты-социологи, принимая благочестивый вид и оказывая помощь, на самом деле ревностно изучали интимную природу человеческой массы и, с необычайной циничностью описывая ее, передавали свои знания будущим поколениям сикофантов. Самым могучим орудием проникновения в массы была благотворительность, наружное доброжелательство, оказание медицинской помощи, санитарные законы и хитро замаскированные моральные проповеди. Мало-помалу дерзкий и свободолюбивый человек XIX века стусевался, и на его месте появилось множество людей, шумливых, глагольствующих по моде о значении принципов свободы и прогресса, но уже глубоко обманутых, ибо они признали сикофантов-проповедников за своих друзей и доброжелателей. Люди массы, подчиняясь влиянию и подражая, организовались. Враг не замедлил использовать свое собственное превосходство сил и нанести удар за ударом и

уже, вскоре, раздавался его повелительный крик победителя над павшим в изнеможении противником. Мистические и нереальные чернильные знаки, эти бюрократические символы, составляющие основу новейшей организации людей массы, оказались сильнее самых тяжелых железных цепей, страшнее самых могущественных взрывчатых веществ, и они заменили для людей все, все естественные проявления их обычной жизни. Природное отношение и внутреннее общение людей между собой было уничтожено.

Но разве возможно было, чтобы люди массы оставались тогда неорганизованными? Разве мыслимо, чтобы они оставались разрозненными и, потому, неуязвимыми, действуя преднамеренно, планомерно и целесообразно? Людям массы казалось, что, организуясь, они делались сильнее и более способными к борьбе с их смертельным врагом. Противное природе масс людей заключалось в их действии. Массовое действие, поэтому, есть ошибка. Тем не менее, ошибка произошла в действительности; неестественное, противное природе людей массы, реализовались в самых широких размерах. Новейшая эра, наша эра Правильности, была бы невозможной, если бы в ту отдаленную эпоху, эпоху XX-го века, было бы мыслимо другое направление, направление естественное, более соответствующее природе людей массы, т. е. не ошибочная планомерная организованность, а планомерная и целесообразная разрозненность. Факты, приведшие к неестественным действиям людей массы, бесконечны в действительности. Организованность, а, потому, и беспомощность были так же неустранимы и бесповоротны, как немислимо было, чтобы люди массы в XX-м веке не стремились к грамотности, которая лежит в основании их слабости; но, осознав это, массы могли бы единодушно порешить не обучаться больше элементарной грамоте.

Власть имущие, зная, что легче управлять грамотными людьми, нежели безграмотными, вводили принудительную, всеобщую грамотность. В XX-м веке возврат к безграмотности был немислим. Воздействие власть имущих на людей массы называлось реформой. Несмотря на то,

что реформа в XX-м веке касалась всех людей земного шара, великих реформаторов не появилось; не было носителей новых идей, созданных творческим духом человеческих масс. Содержание реформы было старое; ветхие идеи древних и новых времен воскрешались сикофантами и выносились на форум, как новейшие и драгоценнейшие продукты мышления. В этой реформе был нов только метод ее проведения в жизнь.

Итак, высокое развитие техники, вместе с научными изобретениями и открытиями, подняли общественную силу власть имущих до неестественно огромных размеров, низведя в отношении к ним людей массы, оставшихся на прежней позиции, к материальному бессилию, и приведя к единственно возможному и неизбежному последствию — духовной беспомощности. Это измененное отношение составляет сущность той эпохи, а универсальная планомерность и целесообразность — ее отличительные признаки. Следует упомянуть, что уже в те времена были люди, которые понимали значение измененных отношений сил; видя крайнюю беспомощность масс людей, их пониженную способность к сопротивлению и самозащите и неизбежную капитуляцию перед планомерными натисками власть имущих, они тогда провозглашали человечество опасно больным точно так же, как человек, жизненные силы которого иссякли, находится в смертельной опасности, когда в его организм вторгается какая-либо инфекционная болезнь. Но голоса этих немногих людей были заглушены великим и ужасающим шумом многочисленной армии сикофантов и проповедников.

Молодой народ! Наша эпоха, новейшая эпоха Правильности, стала возможной благодаря событиям XX-го века и оттуда она берет свое начало. Великие страстные порывы, могучие ее душевные переживания, трагические судьбы людей тех отдаленных времен, их великие радости, их возвышенные и глубокие страдания в наше время неизвестны и нам совсем непонятны. Жизнь наша есть жизнь *правильная*. У нас нет места ни волнениям, ни горестям, ни случайностям; мы познали себя и нам все известно.

Молодой народ! Вы вступаете на новый путь, путь семейной жизни. Знайте! Как до сих пор вы в своих мыслях и действиях руководились принципами Правильности, так и в вашей семейной жизни вы должны неуклонно и с полным доверием следовать указаниям вашего разума, который у вас, как у людей правильных, проникнут принципами Правильности. Наш высший принцип есть Правильность! Соблюдение Правильности есть главная обязанность каждого из нас. Нарушение Правильности связано с бесчисленными опасностями для всей нашей общественной структуры, а потому и для всего народа. Нарушение Правильности может произойти только через человека, нарушающего Ее. Такой человек немедленно выделяется из своей среды и передается на попечение Психологического института. К несчастью, для того, чтобы выделить неправильного человека, необходимо, чтобы он обнаружил себя; но часто происходит, что неправильность человека предшествует на много лет ее обнаружению, и в этом скрытом виде она причиняет много социального вреда.

Вы знаете, что цель брака есть воспроизведение новых человеческих индивидуумов; ваша обязанность, вступая в брак, следовательно, есть продолжение вашего рода в соответствии с предписаниями половой гигиены и согласно требованиям Демографического Бюро. Необходимые указания, как и наглядное ознакомление с правильным половым актом, вам даны будут теперь, если изволите внимательно следить за действиями, которые будут сейчас развиваться на кинематографе. Дополнительные же специальные сведения вы можете во всякое время получить, посоветовавшись с вашим квартальным врачом. Раньше всего вам необходимо подробно ознакомиться с анатомическим строением половых органов мужчины и женщины, для того, чтобы вы могли правильно понять их физиологическую функцию в процессе воспроизведения рода».

Проф. Соколов стукнул палкой о пол и на стене перед зрителями появилось изображение мужских половых органов. «Перед вами увеличенный фотографический снимок наружных половых частей мужчины», — произнес профес-

сор, указав пальцем на изображение, и перешел к подробному описанию анатомии и физиологии этих органов. Далее он приводил еще новые иллюстрации, как поперечные и продольные сечения органов и микроскопические препараты, стараясь сделать свое изложение по возможности более очевидным и вразумительным для своей аудитории. При демонстрации женских половых органов был пущен в ход кинематограф. Скрытая с виду красным бархатом, женщина оставляла обнаженными нижнюю часть живота, половые органы и бедра и медленно двигалась таким образом, что наиболее выставлялась на вид та часть, которая в тот момент описывалась профессором. После описания наружных органов показывались изображения всей системы внутренних половых частей женщины и микроскопические препараты. Перейдя к изложению правил кормления новорожденных, проф. Соколов дал целый ряд кинематографических изображений женских грудей, только не в периоде беременности, а молодых и привлекательных девичьих грудей; при этом он демонстрировал способы приложения к ним новорожденных, а также и все правила ухода за грудями до и после родов. Наконец, профессор обратил внимание своих слушателей и слушательниц на то, что непосредственная цель полового акта есть депозиция мужского семени, содержащего зародышевое начало, в половую систему женщины, и он снова стукнул палкой о пол, и кинематографический аппарат стал изображать на полотне сам половой акт.

Молодой мужчина и молодая женщина, облаченные в легкое одеяние, были представлены на сцене; своими телодвижениями и действиями они стремились показать, каким образом совершается естественный акт половой любви. Правила этой семейной функции предписывались Психологическим институтом. Молодому народу представлялось зрелище, которое должно <было> произвести на них сильное впечатление и вызвать чувственную реакцию для того, чтобы они могли с успехом, несколько часов спустя, сами воспроизвести половой акт. Окружающая обстановка, одеяние героев сцены, возбуждающие похоть, имели целью вызвать

ряд воспоминаний в молодых зрителях, когда вскоре они сами будут облачены в точно такое же одеяние и оставлены сами, как супруги, в такой же интимной домашней обстановке. Забота Психологического института состояла в том, чтобы разбудить заснувшие чувства, чтобы расшевелить половую страсть; необходимо было столкнуть молодой народ с того состояния вегетативной инерции, в котором они находились под влиянием культа Правильности. Это требовалось самой Правильностью. Великий, универсальный принцип — Правильность, развиваясь, непреложно достигает высшего момента своего развития, когда он обращается в свою собственную противоположность. Эта, сама по себе очевидная необходимость социальной метаморфозы в развитии принципа Правильности, представляется в реальности отношений индивидуумов, как мистерия, и воспринимается каждым индивидуумом, как таинство. Обращение Правильности в свою собственную противоположность есть только момент развития принципа. В действительности нарушается весь строй Правильности только на одно мгновение и выражается на высшей точке своего развития, как мгновенное исчезновение разумного «Я», как временное прекращение деятельности свободного разума; и обретающийся в человеческом организме зверь разнудывается, и он воспроизводит род. Поставленная Психологическим институтом цель достигается вполне. Зрители и зрительницы мало-помалу проникаются необходимым чувством.

В аудитории господствовала мертвая тишина. Сам проф. Соколов во время этой демонстрации не произнес ни одного слова. Редко-редко всеобщее напряженное молчание прерывалось вздохом мужчины или взвизгиванием женщины. «Эти, наверное, будут иметь четырехдетные семьи», — думал про себя опытный и всезнающий профессор, но не дал себе труда, чтобы пойти и узнать, кто были те, которые вздыхали или взвизгивали, чтобы заблаговременно их передать на попечение Психологического института.

Глава пятая

ТЕАТР «СМЕХ № 5»

Согласно инструкциям на свадебный день, Иван Васильевич вместе со всеми членами своей семьи сопровождал невесту, Ольгу Ивановну, в театр «Смех № 5». Станция подземной железной дороги, где остановился их поезд, называлась: “Смех №5”. Стены, потолок и пол, крытые разноцветным кафелем всевозможных форм и размеров, были разукрашены многочисленными изображениями смеющихся лиц и смешных фигур. Как только толпа празднующих людей вышла из вагонов, стал раздаваться громкий смех и шумные выкрикивания. Смеялись всему: и смешным изображениям на стенах, и необыкновенным нарядам участников празднества, и какой-нибудь странной выходке соседа, и своему собственному, неосторожному или намеренно-эксцентричному движению. Но, главным образом, смеялись потому, что теперь следовало смеяться и не надо было ни о чем думать. Иван Васильевич, в сапожках и плотно облегавших его крепкие икры чулках, в коротких штанишках в обтяжку, был очень смешон. Он, как и многие другие, носил длинную палку в руках, ибо по выходе из станции предстоял довольно крутой подъем по гладкой мостовой. Ольга Ивановна, в коротенькой юбке, показывала свои голые, стройные и крепкие ноги на несколько вершков выше колен. Выйдя из станции, она, как и все другие невесты, пустилась бежать вверх на гору. Женихи, не отставая, погнались вслед за своими невестами. Вскоре все смешались; разносился шум и хохот со всех сторон. Были моменты, когда Ольга Ивановна хотела узнать среди толпы молодых людей своего суженого, но это было невозможно: Николай Андреевич имел серые глаза, которые ей нравились, она это хорошо помнила, но теперь в беспорядочном шуме и хохоте у всех глаза были полузакрыты. Никто из будущих супругов не узнавал друг друга, но каждый знал, что все были тут. Впрочем, было бы совершенно неправильно,

если бы Ольга Ивановна, узнав своего жениха, стала бы с ним разговаривать; это было бы неправильно лишь потому, что в этом месте встреча молодых пар не предвиделась предписаниями.

Когда празднующие взобрались на вершину горки, то шум и гоготанье прекратились; только дувший сильный ветер, срывая чей-либо головной наряд, возобновлял веселье. Перед зрителями на горке открылась красивая панорама: красные, синие, желтые и зеленые фонари были развешены над множеством прямолинейных и аркообразных стен, разрезавших театральную площадь во всех возможных направлениях, создавая целый лабиринт дорожек, освещенных разноцветными фонарями, а иногда и совершенно темных, которые необходимо было пройти, прежде чем можно было выйти на открытую площадь, лежащую перед самим театром. С горы был виден театр. Это было грандиозное здание, освещенное многочисленными лампочками, размещенными вдоль стен и крыши в разных направлениях; оно имело вид огромного смеющегося лица с широко раскрытым, зубастым ртом; крыша представляла форму турецкой фески; на самой высшей точке крыши было сделано из электрических лампочек изображение «5». Вскоре вся толпа бросилась в лабиринт и разбрелась по разным дорогам. Стук сапогов и палок о мостовую и стены, непрерывные возгласы, перекрикивание и хохот, — все это вызывало невообразимый шум и веселье. Наконец все выбрались из лабиринта и направились к многочисленным входам в театр.

Расстояния между зубами служили входами. Иван Васильевич с семьей, как жители 28 квартала, прошли через расстояние между резцами нижнего ряда зубов. В носу здания были помещены два оркестра музыки, по одному в каждой ноздре, которые поочередно играли. В кулуарах театра стены, потолок и пол были разрисованы множеством смеющихся лиц и смешных фигур; на пустых местах стен были видны надписи назидательного характера: «Смех необходим для легких и полезно действует на кровообращение», «Наши предки любили смеяться, и, если мы будем

смеяться, то и наши потомки будут смеяться», «Смех оживляет нервную систему», «Смейся, живущий — мертвые не смеются», «Веселье вызывает смех, и смех вызывает веселье» и т. д. Пока толпа проходила к своим местам, шум и смех был оглушительный. Не менее других гоготал и резвился Иван Васильевич; время от времени он постукивал в такт музыке палкой о каменный пол или, принимая смешную позу, прицеливался палкой в какое-нибудь изображение на стене. Марья Павловна, Аннушка и Димитрий Иванович не отставали от других и забавлялись изо всех сил. Ольга Ивановна, одетая, как и все невесты этого дня, в розовые цвета, оголенная спереди до груди и сзади ниже лопаток, мерным шагом и гордо выступала впереди своей семьи. В этой семейно-общественной функции она в последний раз участвовала, как девушка или дочь; она об этом думала и глазами искала среди них своего будущего спутника жизни. Когда все уселись, наступила тишина. Димитрий Иванович не мог не заметить голых спин невест, сидевших впереди него; из-за спинок стульев платья молодых женщин не были видны, и казалось, что за ними скрываются совершенно голые женщины; в нем зашевелились какие-то неясные чувства и неиспытанное волнение охватило его; странная мысль незаметно вкралась в его ум: «А ведь и я скоро буду женихом», — думал он. Эта мысль завладела его душой; усилием воли он сразу освободился от этих странных чувств и праздных мыслей; он стал думать о лекции по психиатрии, прочитанной недавно проф. Семеном Яковлевичем Гольдовским. «Какая удивительная голова, какая эрудиция, какой талант в изложении мыслей и умении заинтересовать слушателей», — восхищался Димитрий Иванович, припоминая одну за другой подробности прослушанной лекции.

Между тем, музыканты, когда закончили играть встречный марш, покинули свои места в ноздрах и перешли во внутренние отверстия носовой полости, и стали играть веселую музыку, звуки которой разносились над головами зрителей, сидевших внизу в зале, собственно, во рту огромной человеческой головы, которую представлял собой театр.

Оркестр был большой, свадебный, и музыка была веселая, шумная, даже крикливая и временами напоминала громкий и разнузданный человеческий хохот. Поднялся занавес. Перед зрителями открылась широкая сцена, пустынная и, благодаря овальной форме стен и потолка, окрашенных в темно-красные цвета, производила впечатление огромной человеческой глотки. От просторной и безлюдной сцены веяло таинственностью. Вдруг из глубины, как бы выброшенный из желудка, на сцене появился человек. Он оказался клоуном; у него был испуганный вид. Оглянувшись кругом и убедившись, что он один и что никто за ним не следит, он громко воскликнул:

— Я человек 14-го столетия! Как я рад, что я, наконец, вырвался из пепелища, — и рукой указал на то место, откуда он выскочил, именно на пищевод в глубине сцены.

В это время вдаль показалась фигура нового клоуна, который, крадучись, приближался к первому клоуну.

— Я слышал, ты сказал, что ты человек 14-го столетия, — произнес второй клоун, — но это невозможно, ибо вот я сам человек XX-го века, а ведь живем одновременно; ты, друг, не в своем уме.

Первый клоун изобразил ужас на своем лице и подавленным крикливым голосом, жестикулируя всем телом, стал убеждать своего заблуждающегося друга, что теперь век 14-й и что, если он желает сохранить тело и душу в целости, пусть вместе с ним поскорее бежит из этого места:

— Ведь палачи-то меня держали, а руки у меня были скручены назад; готовились меня четвертовать. Как они меня выпустили, не знаю, но теперь уж на свободе; я чувствую, что мое тело заново составлено из четырех отдельных частей.

— Ты бредишь, — возразил второй клоун, — ужасы 14-го столетия давно исчезли без следа во мраке времен. Будь благоразумен и посмотри на меня: я человек XX-го века; мое тело — свидетель того, что я тебе говорю сущую правду; на животе у меня восемь рубцов, на спине и на конечностях тоже восемь рубцов, а, может быть, и больше; эти рубцы означают хирургические операции, которые надо мной

были произведены благодетелями, чтобы облегчить мое тело от недугов. Смотри, только что я получил от благодетелей сто подкожных впрыскиваний, чтобы предохранить меня от всевозможных болезней; я чувствую, что моя кожа отклеилась от подкожной клетчатки и я еле двигаю ногами от тяжести этих впрыскиваний, но мне легче на душе, ибо я убежден, что теперь я уже вне опасности от этих убийственных болезней.

Так продолжали клоуны, разговаривая и кривляясь, еще долгое время, а зрители усердно хохотали. Музыка снова заиграла. На сцену вышли танцоры и танцовщицы; последние были одеты, как невесты, с глубокими вырезами спереди и сзади, в красных сапожках, с голыми коленями и бедрами. Танцевали парами и в одиночку; мужчины прыгали, размахивая руками; женщины вертелись, подымали ноги, тряслись всем телом, в особенности грудями и тазом, дико вскрикивали и хохотали, как безумные. Ввиду свадебного праздника, в настоящий вечер классической комедии не поставили. По расторжению брачного бюро в этот вечер все должно быть необыкновенно и весело. После танцев выступали певцы и певицы, потом опять клоуны; а в заключение акробаты и атлеты обоих полов, почти совершенно обнаженные, вышли на сцену и своими телодвижениями, ловкостью и силой приводили в восхищение всех зрителей. Наконец, в боковой стене аудитории с шумом раскрылись механические двери. Это было сигналом того, что спектакль закончен. Все присутствующие встали и через раскрывшиеся двери стали переходить в свадебный зал. Это был огромный зал, великолепно убранный и весело разукрашенный. Люди снова развеселились, стали шуметь, гикать и хохотать. Музыка заиграла вальс, и молодой народ — женихи и невесты — вышли на середину залы и стали танцевать. Кругом стояли или расхаживали родители и младшие члены семейства.

— Где Николай Андреевич? Я что-то не вижу его, — заметила своему мужу Марья Павловна.

— Он здесь... он здесь, — резко ответил Иван Васильевич и, после некоторой паузы, прибавил: — Ты ведь сама

видишь, что все танцуют парами, и каждая пара состоит из жениха и невесты.

Ольга Ивановна с кем-то танцевала, но у ее партнера глаза были голубые, следовательно, это не был Николай Андреевич. Она смотрела по сторонам и глазами тщетно искала своего жениха. К танцующим вскоре присоединились танцоры и танцовщицы театра, клоуны, артисты и акробаты, разбили пары, смешались и разбрелись по всему залу. Клоуны смешили отдельные группы людей, то здесь, то там выкидывая свои фокусы и штуки. Общее веселье достигало своего апогея. Нервная и мускульная напряженность тел ощущалась, как приятная утомленность и насыщенность. Лица людей, то покрасневшие, то побледневшие, выражали тупое довольство и безучастное доверие в нечто абстрактное, невидимое и неосязаемое, действующее помимо них и не подлежащее их пытливости, но действительное. Но вот оркестры перестали играть. Музыканты сошли в зал, и, не задерживаясь долго с гостями, направились в соседний зал, где администрацией театра уже были приготовлены для всех чай и закуска. Свадебное торжество приближалось к концу. Еда закончилась скоро. Стали выходить из театра, по-прежнему в порядке, с шумом да с хохотом. Снова резвились и стучали палками, и веселье даже вспыхнуло с новой силой, когда толпа проходила через лабиринт посредине театральной площади. Но по мере приближения к станции подземной железной дороги, возбужденное состояние в людях постепенно замирало; в разных местах слышны были последние отрывистые выкрики веселья и звуки слабеющей вспышки смеха. Гул веселья замер. Царствовало спокойствие и сосредоточенная тишина, когда люди, войдя в вагоны, расселись по местам. Отошел поезд. Люди, сосредоточенные, но ни о чем не думающие, усталые, неслись вперед в узком, темном пространстве, безвольные и отдавшиеся огромной силе мчавшейся машины, которая им представлялась, как слепая стихия, как сама природа, вечная и неизменная.

Иван Васильевич, очнувшись, вытащил из своего кармана инструкции Брачного Бюро и снова прочитал назва-

ние станции, где он должен был остановиться с семьей. Ему необходимо было доставить свою дочь, Ольгу, на ее новое жилище и передать ее на руки ее молодому супругу в присутствии его родителей. Марья Павловна чувствовала грусть и нежно держала в объятиях свою младшую дочь Анну. Когда поезд остановился, у Ольги Ивановны забилося сердце. Она вдруг с яркой силой вспомнила обо всем виденном и слышанном ею в это утро в Доме Особых Указаний для Новобрачных. Войдя на станцию, они все увидели Николая Андреевича, который со своим отцом, матерью и младшим братом уже успели выйти из одного из вагонов, и быстрым шагом направились к выходу из станции. Согласно инструкциям, жених должен был, хоть на одну минуту, прийти в свой дом раньше невесты и открыть ей двери, когда она будет доставлена ее родителями и передана ему в руки. Заставлять невесту ждать у дверей дома есть нарушение Правильности. В коридоре перед дверью Иван Васильевич с семьей остановились. На звонок дверь немедленно распахнулась и в ней показался Николай Андреевич с приветливой улыбкой на лице; позади него, в торжественных позах, стояли его отец, мать и младший брат. Иван Васильевич выступил вперед, ведя за руку свою дочь, и волнуясь, но серьезным голосом, произнес:

— Николай Андреевич Добродеев! На основании выраженного моей дочерью, Ольгой, свободного желания стать вашей женой и последовавшего от вас согласия быть для нее мужем, и на основании решения Брачного Бюро и последовавших за сим встреч и общественных церемоний, вы, Николай Андреевич, и моя дочь, Ольга, с сего момента становитесь друг для друга мужем и женой. Вы обязуетесь, согласно вашему воспитанию и принятым в нашей стране обычаям и порядкам, жить в этом доме вместе и в строгом соответствии с принципами Правильности. Засим, желаю вам, мои дети, крепости и здоровья и в вашей жизни полного согласия. И вот вам мое родительское благословение. — Сказав это, Иван Васильевич подвел свою дочь к ее супругу и соединил их руки.

Ольга Ивановна была отдана ее мужу и оставлена с ним в их новом жилище. Они должны воспроизводить новое поколение для продолжения человеческого рода. Старики с остатками их семей разошлись по своим домам. Грустной была дорога, когда Иван Васильевич с семьей, но без старшей дочери, по пустынным и слабо освещенным улицам возвращались домой. Все сохраняли глубокое молчание. Палку Ивана Васильевича несла Аннушка. Среди могильной тишины, назойливо и неотвязчиво, раздавался беспорядочный стук сапогов четырех одиноких путников, уныло шедших по ровной и гладкой мостовой тесной улицы. Когда они очутились, наконец, в своей квартире и залегли свет, Марья Павловна, усталая, села на диван, вздохнула и, потом грустным тоном, более грустным тоном, чем это, казалось, надо было, сказала своему мужу:

— Иван Васильевич, что-то наша Аннуша последние дни похварывает.

Иван Васильевич нахмурился и заметил своей жене:

— Вам, несомненно, известно, что в таких случаях следует обратиться за советом к квартальному врачу, а не ко мне.

Марья Павловна это сама знала, но ей было грустно на душе, ей хотелось жаловаться кому-нибудь, она бы даже поплакала теперь, если бы могла. Она крепилась сама собой, но, в конце концов, солгала перед мужем: Аннушка была совершенно здорова.

Глава шеста я

ПРАВИЛЬНОСТЬ ВЕЗДЕСУЩАЯ

And you all know that security
Is mortal's chiefest enemy.

Macbeth. Shakespeare*.

Когда Димитрий Иванович улегся спать, одинокий в своей комнате, он не мог заснуть. В темноте, с открытыми глазами, он лежал на своей кровати, и в его уме одно за другим проходили события минувшего дня. Правильный уклад его обычной жизни был встревожен внезапным толчком, неожиданной переменой в программе его деятельности одного дня. Время сна пришло, но сон не приходил. Среди многих впечатлений этого дня с наибольшей живостью завладело его душой воспоминание о множестве молодых женщин-невест с их стройными бедрами, с их полуоголенными грудями и спинами, на которые он заглядывался с непонятным для него чувством и непреодолимым увлечением, когда он сидел позади них в театре. Даже его сестра, когда она танцевала среди других невест и смешалась с ними, возбуждала в нем какое-то странное и неиспытанное им до сих пор чувство. Гармонические движения их стройных тел, кружившихся под звуки музыки, удивительная и бесконечная в своем разнообразии игра крепких мышц оголенных ног, очаровали его воображение и беспрестанно и с новой силой всплывали в его голове. Димитрий Иванович волновался, он слышал биение своего сердца, и стук его отдавался в висках. Совершенно бессильны были попытки сопротивления его рассудка и разума. Обраще-

* «А самый злобный враг людской — / Самонадеянный покой». Шекспир, «Макбет» (пер. М. Лозинского).

ния к разуму имели только форму, но были лишены содержания и силы. Очарованный своей собственной фантазией, он предался бесконтрольному созерцанию восхитительных форм и движений женского тела, которые с неотразимой яркостью вставали перед его умственным взором. Наконец, изнеможенный телом и насыщенный видениями, его ум вдруг озарился воспоминанием о Семене Яковлевиче — этом могучем и энциклопедическом уме. Он с трепетом и надеждой стал думать о своем любимом профессоре, о его вечной бодрости и неутомимой деятельности, восхищался его изобретательностью и тонким анализом в психологическом исследовании.

Димитрий Иванович уцепился за этот новый образ и всеми силами старался удержать его подольше в своем уме.

— Вот это человек, — говорил он самому себе, — этот человек сильной воли не предавался бы бесполезному фантазированию и не увлекся бы эмоциональными химерами.

Но представление любимого профессора и настойчивые воспоминания о нем быстро испарились, и волнующие образы сладострастных движений и чарующих форм молодых женских тел снова завладели душой Димитрия Ивановича. Ночь прошла без сна, и наутро Димитрий Иванович имел усталый вид, его лицо было бледное и под глазами круги появились. Иван Васильевич это заметил и немедленно сообразил, в чем дело. Недолго раздумывая, он решил, что, в интересах Правильности необходимо сейчас предпринять некоторые шаги. Ничего не говоря своему сыну, но посоветовавшись предварительно с квартальным врачом и окончательно утвердившись в своем решении, Иван Васильевич, в границах дозволенного, уклонился от общепринятой рутины и через квартальную администрацию сделал специальное заявление в Брачное Бюро.

Спустя два дня Димитрий Иванович получил из Брачного Бюро пакет, в котором находились портреты двадцати девиц, с подробными описаниями их физических и психических свойств и с дополнительными сведениями, касающимися их специальных заслуг. Брачное Бюро не указало в своем послании, какая из девиц удостоила Димитрия Ива-

новича своим выбором. В этом случае инициатива по заключению брака исходила со стороны отца жениха и процедура общественных отношений началась раньше установленного для текущего сезона времени. Димитрий Иванович, когда ему показали портреты девиц для выбора себе невесты, впился в них глазами и с жадностью принялся изучать их лица и приложенные к ним официальные описания их характеров. После долгого и тщательного изучения и сравнения лиц, он не мог определенно остановиться на одной какой-либо женщине и назвать ее по имени. Он облюбовал портреты пяти девиц и находил между ними достаточно сходства и достаточно различия, чтобы сделать каждую из них одинаково привлекательной для себя. Однако, выбор одной должен быть сделан, и ее имя должно быть сообщено в Брачное Бюро в тот же вечер. Наконец, с помощью отца, Димитрий Иванович решил про себя, что он полигамическое животное и что из пяти нравящихся ему девиц следует назвать ту, которая в списке имен числится первой по очереди. С этого момента имя Елизаветы Петровны Саблиной приобрело особенное и чарующее значение для Димитрия Ивановича.

Сидя в гостиной перед газетной доской в ожидании появления новостей, Иван Васильевич думал о своих семейных делах и как хорошо он поступил, что заблаговременно обратился в Брачное бюро. Этим шагом он достиг двойного результата: во-первых, он дал невесту своему сыну и этим успокоил его опасное возбужденное состояние, а во-вторых, Марья Павловна, которая сильно загрустила с уходом дочери из семьи, теперь будет иметь новое занятие и душевное развлечение, и ее грусть рассеется. Глубокая грусть, не менее возбужденного состояния половых инстинктов, сделались бы угрожающими, если их оставить слишком долго без удовлетворения. Эти чувства могли бы прорваться наружу в виде нарушения Правильности, чего Иван Васильевич никак не должен допустить. Он знал, что, предупредив неправильность, он сам поступил правильно, и от этого чувствовал удовлетворение и душевное спокойствие.

В этот вечер на газетной доске появились два сообщения, которые заинтересовали и даже взволновали не только всех жителей Петербургского района, но и все население Великодержавной России,

Одно сообщение гласило следующее: «В пятницу утром, служителем парка № 18 был замечен человек, который бесцельно бродил по аллее, ведущей к Предельной стене. На вид этому человеку было лет 55; лицо его было давно небритое. На окрик паркослужителя человек не остановился, но, ускорив шаг, направился к тому месту стены, где она, благодаря ветхости, имеет неровности и выемки на своей поверхности, и стал взбираться на стену с очевидной целью избежать ареста, а может быть, и желая перейти в Московский район. Паркослужитель был вынужден употребить силу, чтобы заставить несчастного сойти со стены. При допросе и установлении личности, задержанный объявил, что он есть Семен Яковлевич Гольдовский, а по занятию профессор по психиатрии. О мотивах своих действий он отказался говорить, а посему и был отправлен в Психологический институт для исследования его умственно-душевных способностей». Прочитав это сообщение, Иван Васильевич удивился, а Димитрий Иванович от неожиданности так и ахнул: «Как, Семен Яковлевич, великий ум, всемогущий психолог, — и неправильный человек». Марья Павловна, без особого волнения, заметила, что несчастье может случиться со всяким человеком; но Иван Васильевич не мог прийти в себя от удивления: «Зачем могло понадобиться такому великому человеку среди бела дня лезть на стену и чего он искал в Московском районе?» Перерыв после этого сообщения был довольно продолжительный; Информационное Бюро, очевидно, считало, что необходимо жителям дать время поговорить об этом событии и успокоиться.

Другое важное сообщение было от Министерства Иностранных Дел; оно гласило: «Представитель Северо-Американского государства обратился к нашему правительству с официальной нотой, в которой, между прочим, заключается просьба об оказании им военной помощи посылкой на-

ших военных сил в Америку для подавления восстания третьего сословия, принявшего в последнее время чрезвычайные размеры и теперь грозящего уничтожением господствовавшего в течение веков строя Правильности в государстве Северной Америки. В изложенной просьбе также указаны причины, приведшие к такому катастрофическому состоянию страны. Несомненно, однако, что нота происходит от одной из борющихся сторон. Всем известно, что борьба между сословиями никогда не прекращалась в том государстве, и лишь настолько можно принять на веру изложенное в ноте, что отношения ухудшились и что борьба между сословиями в последнее время сделалась более ожесточенной. Наше правительство, выразив сожаление и сочувствие по поводу трагических событий по ту сторону океана, заявило, что оно от своего представителя в Северо-Американском государстве до сих пор не получило официальных донесений о восстании и что оно располагает лишь редкими и неполными сообщениями, в которых рисуется недовольство масс и враждебные настроения, иногда заметно выплывающие на поверхность. Ввиду этого оно не готово дать немедленное удовлетворение выраженной в ноте просьбе. Со своей стороны наше правительство, в целях совершенно правильной ориентации, попросило позволение от американского правительства послать специальную комиссию в Америку для полного и непосредственного ознакомления на месте с размерами и истинным характером восстания третьего сословия».

Такая необыкновенная новость чрезвычайно заинтересовала Ивана Васильевича. Он по натуре своей был любознателен и имел склонность к чтению описаний исторических и общественных событий. Из этого сообщения он понял, что в мировом концерте всеобщей Правильности обнаружилось одно слабое место. Целый ряд вопросов возник в его уме и для того, чтобы не думать слишком много, т.е. больше того, что ему, в его общественном положении, полагается согласно Правильности, и также для того, чтобы быть лучше подготовленным к правильному пониманию событий, развивающихся теперь в Америке, он, по окон-

чании семейно-общественной функции, подошел к своему книжному шкафу, вытащил книгу № 82, трактующую об истории Северо-Американского государства, и принялся за чтение.

Как психолог, Димитрий Иванович больше интересовался человеком-индивидуумом, человеком, отделенным от его социального бытия, и рассматривал его, как исторический факт, реальное существо, вмещающее в себе результаты органического развития и жизненного опыта всех предшествовавших ему во времени и пространстве индивидуумов, как членов одной человеческой серии, живым продолжателем которой является данный во времени и пространстве человек. Международные и политические события не входили в круг его умственных интересов и возникшие в это время осложнения в общественно-политическом строе заокеанического государства, как бы угрожающими они ни казались для концерта мировой Правильности, оставляли его равнодушным.

Отсутствие интереса к событиям мировой важности казалось Ивану Васильевичу признаком неправильности и он втайне огорчился за своего сына; ему также казались преувеличенными и несоответствующими требованиям строгой Правильности тот особенный интерес и участие, которые его сын проявлял в деле проф. Гольдовского; не мог он также забыть и простить своему сыну его неумеренную похоть, то внезапное пробуждение половых потребностей, и их чрезмерный и не поддающийся контролю характер. Иван Васильевич подумал, что его обращение в Брачное Бюро по делу сына, хотя оно и не есть форменное нарушение Правильности, но он, однако, сделал внеочередной шаг, вынужденный обстоятельствами, и для того, чтобы избежать явного нарушения Правильности. Мысль, что он так близко стоял к нарушению Правильности, несмотря на его многолетние усилия и старания быть в порядке, была ему неприятна; он никому не сообщал своих подозрений, но в душе боялся за своего сына и не одобрял его поведения. Отношения его с Димитрием Ивановичем еще обострились одним совершенно неожиданным обстоятельством.

Так случилось, что Брачное Бюро назначило первую встречу молодых, т. е. первую официальную встречу Дмитрия Ивановича со своей невестой, как раз в тот самый день, когда, по распоряжению Психологического института, должно было слушаться дело профессора Семена Яковлевича Гольдовского. Распоряжения Брачного Бюро имели первенствующее значение, уничтожали всякие другие обязательства и освобождали Дмитрия Ивановича от необходимости участвовать в занятиях института в тот день. Но Дмитрий Иванович решил, что он не может пропустить такого редкого и высокопоучительного заседания института, и, кроме того, ему хотелось в последний раз послушать голос его излюбленного профессора; поэтому он требовал от своего отца, чтобы тот обратился в Брачное бюро с просьбой назначить другой день для первой встречи молодых. Такое действие казалось Ивану Васильевичу чуть ли не форменным нарушением Правильности, тем более, что это было бы уже вторичным его обращением в Брачное Бюро по делу его сына. Произошел довольно оживленный спор между обоими мужчинами; однако, распределение дня таково, что не оставалось много времени для каких бы то ни было продолжительных споров. Дмитрий Иванович был непреклонен в своем решении, и Иван Васильевич быстро сообразил, что проявление крайней настойчивости с его собственной стороны могло бы считаться даже неправильностью и, в логическом обсуждении вопроса, наткнулся на одну счастливую мысль, которая его окончательно утешила: ведь Дмитрий Иванович несомненно жаждет встретить свою невесту и все же он находит в себе достаточно силы воли, чтобы побороть свое чувство, и делает это ради интереса к науке, к своей специальности. Из этого следует, что он прав, что его желание вытекает из правильно воспитанного характера и ничуть не идет вразрез с принципами Правильности. Иван Васильевич уступил требованиям своего сына и обратился в Брачное Бюро с просьбой назначить новый срок для первой встречи молодых.

Дело профессора Гольдовского, по распоряжению Психологического института, слушалось в течение целого дня,

т. е. занимало утреннюю и послеобеденную сессии клиники. Когда члены заседания заняли свои места, председатель, проф. Краснолобов, приказал представителю администрации ввести пациента. При общей тишине, доктор Головин, которому поручено было клиническое изучение больного, стал читать свой доклад. Следуя рутине, он вначале повторил всем известное по этому делу сообщение на газетной доске, потом продолжал: «Когда больной был доставлен в Психологический институт и отведен в камеру № 1, было уже 12 часов; ему была предложена пища, от которой он не отказался, и, вообще, по свидетельству стражи, больной не высказывал никакого неудовольствия по поводу своего ареста и с готовностью отвечал на все вопросы чиновника. Физическое исследование больного показало следующее: мужчина, 52 лет от роду; ростом 5 футов 9 дюймов; весом 6 пуд. 2 фунта; значительный подкожный слой жира; волосы на голове обильные, тонкие, слегка волнистые, цвета черного, с проседью в области висков; лоб высокий и обширный; нос продолговатый, тонкий вверху, расширенный в области ноздрей; губы крепкие, несколько мясистые; зубы все здоровые и правильно расположенные; глаза черные и глубоко сидят в орбите; уши большие, хорошо сформированные во всех своих частях и близко прилегают к черепу. Мускулатура тела слабо развита; кости тонкого типа; растительность на теле распределена нормально; половые органы не представляют никаких отклонений от нормального развития. Исследование внутренних органов, равно как и нервной системы, дало отрицательные результаты. По физическому своему строению больной, следовательно, не вполне достигает размеров нормального здорового мужчины.

Когда физическое исследование больного было закончено, он без очевидного повода сам заявил, что в течение всей своей жизни ничем не болел и что последний раз, когда ему был сделан медицинский осмотр, произошел 30 с лишним лет тому назад, по случаю его принятия на военную службу. На вопрос: «Соответствовало ли его неправильное действие какому-либо заранее обдуманному пла-

ну?»», больной ответил утвердительно. На вопросы он отвечал кратко и дельно, покрывая все содержание вопроса, но не более. Получается впечатление, что больной во время допроса, хотя и ничего не скрывает, но многого не досказывает.

Бессилие роста скелета больного, как и сама форма его тела, навели на мысль порыться в родословной больного. В архивах высшей администрации Петербургского района, предки больного идут под именем Гольдовских и, начиная с нашей эры Правильности, числятся в списках в полном порядке и неизменно отмечены правильными. Только два представителя его рода, в отдаленном прошлом, имеют специальные пометки, как люди, выдающиеся своими умственными дарованиями и эксцентричные. Первый член его фамилии поселился в Петербурге за короткое время до нашей эры; он был адвокатом по профессии и именовался Евгением Исааковичем Гольдовским; он был уроженцем города Одессы. Сведения, присланные нам из Одесского района, устанавливают, что отец Евгения Исааковича принадлежал к старинной фамилии одесских евреев, журналист по профессии, и назывался Исааком Авраамовичем Гольдманом. Очевидно, что в ту отдаленную эпоху, когда еще существовали различия рас и народностей, первый представитель линии Гольдовских, переселившись в Петербург и желая, по возможности, скрыть следы своего еврейского происхождения, придал своему имени русское окончание и назвал себя Гольдовским. В действительности, если внимательно разобрать черты лица и строение тела нашего пациента, то можно без труда найти в них много сходства с изображениями типов еврейской расы, которые находятся в наших музеях. Известно, что эта раса в древности отличалась необычайной способностью к умственной деятельности, считалась расой беспокойной, легко возбудимой и революционной; кроме того, эта раса давала большой процент заболеваний нервными и умственно-душевыми болезнями. Несомненно, что наш больной носит в своем умственно-душевом укладе множество особенностей еврейской расы.

При допросе больной заявил, что он сознает себя не как еврей, а как русский, и не отрицал, что в нем течет много семитической крови; он это сам давно познал, когда он изучал свой собственный организм, и даже, время от времени, задумывался над некоторыми особенностями своего характера и, в течение долгого времени, ему непонятными проявлениями своей собственной умственной деятельности. Объясняя свой поступок, нарушивший Правильность, больной, тщательно избегая деталей и конкретных указаний, ограничился заявлением, что в последние несколько лет множество мыслей непрерывно отягощали его душу; ему стоило огромного труда и невероятных усилий воли, чтобы удержаться в границах Правильности: страстные чувства и жгучие мысли овладевали его душой, росли в своей силе и неотразимо влияли на его рассудок; его надежды, что, с приближением старости, поток все новых и новых мыслей прекратится, и мучившие его душу пламенные желания погаснут, не сбылись. Наоборот, его разум крепчал с каждым годом, и новые мысли теснились в его уме и ярко освещали его собственную душу и весь окружающий мир новым и неожиданным светом; страсти делались могущественнее, и он не выдержал, и потерял контроль над действиями и движениями своего тела. Когда он направился в парк № 18, в то утро у него в голове была только одна мысль: перелезть через Предельную стену и побродить немного по улицам Московского района.

Во время собеседования с пациентом не удалось выявить на поверхность само идейное содержание его умственной работы; во всяком случае, невозможно было навести больного на линию рассуждений, где бы проявилось содержание его мышления. Возможно, что причиной этому являлось само богатство содержания его мыслительного процесса; великое изобилие мыслей и их равнозначная сила в отдельности или их необычайная скорость и даже беспорядочность движения в его уме. На поставленный вопрос: «Каково его самочувствие и примирился ли он с переменной в образе жизни и с вынужденной бездеятельностью?» — пациент ответил, что никакой перемены в его об-

разе жизни не произошло и что его самочувствие следует своим собственным законам развития. Объективное наблюдение за настроением пациента установило, что в течение первых двух недель заключения он находился в подавленном состоянии духа; потом наступила перемена к лучшему, и именно тогда пациенту, по его собственной просьбе были доставлены нужные ему книги.

При рассмотрении внешних обстоятельств жизни нашего больного, обстоятельств, состоящих из окружающих его условий природы и не зависящих от него, оказалось, что в течение всего последнего года эти условия были совершенно нормальны, его внешняя жизнь казалась правильной, и не было найдено ни одного обстоятельства, которое могло бы быть связано с его внезапным отклонением от пути Правильности. Сам акт, в котором проявилось нарушение Правильности, не может быть объяснен каким-либо сцеплением внешних фактов. Что в этом акте больше всего выступает наружу, это нелепость цели и детская форма действия; два свойства, свидетельствующие о регрессии духа. Этот психический процесс постоянно происходил в подсознательном и, в момент ослабления рассудка, вследствие противоречий и столкновений принципов и, в конце концов, смешения идей, проскользнул наружу в виде инстинкта бродяжничества и стремления к перемене.

Принимая во внимание возраст пациента, мысль о доброкачественности болезни отпадает. Перемена настроения и прекращения душевных мук, на которые уповал пациент, по мере приближения старости в действительности не наступили; но проявились первые симптомы физической и нервной старости, и, вместе с ними, привычный тон и содержание подсознательной жизни впервые появились наружу. На этом основании следует считать, что этот акт нарушения Правильности есть первый симптом болезни, которая уже остановиться не может и необходимо должна развиваться все более и более. Эта болезнь составляет неотделимую часть его физического и духовного существования и в том скрытом виде, в каком она существовала до сих пор, приносила много социального вреда.

С таким заключением доктора Головина многие в зале, по-видимому, не были согласны, и менее всего сам пациент, который думал, что с годами его ум крепчал и глубже проникал в познание самого себя и окружающего мира.

Председатель, проф. Краснолобов, приступил к допросу пациента.

— Семен Яковлевич, можете ли вы припомнить, когда это наш антрополог заинтересовался особенностями вашего скелета, по какому это было поводу и как он вас определил?

— Двадцать с лишком лет тому назад, наш профессор по антропологии, уступая моему желанию, сделал беглый осмотр строения моего тела. Никаких аномалий он не нашел, но определил, что только подбородок и руки, т. е. кисть и пальцы, у меня славянского типа, в остальном же преобладает тип семитический, — ответил пациент.

— Не думаете ли вы, что, если бы Психологическая комиссия в свое время не ошиблась в вас и вместо того, чтобы вас определить к изучению психиатрии, направила бы вас на другой путь, в вас, может быть, не развилась бы эта ужасная болезнь, которая привела к нарушению Правильности.

— Я не считаю, что Психологическая комиссия совершила ошибку.

— Вы хотите этим сказать, что Психологическая комиссия вас, может быть, тогда и не поняла, но не совершила ошибки.

— Никифор Андреевич, вы знаете, что Психологическая комиссия у нас составляется из компетентных людей, и, если вы думаете, что произошла ошибка, то у вас к этому должны быть основания, но у вас их нет.

— Несомненен факт нарушения Правильности, — с некоторой ехидностью заметил председатель.

— Несомненен, — подтвердил больной.

— Да, и я ставлю этот факт в связи с вашим назначением к психиатрической профессии.

— Боле прав доктор Головин, когда он в своем исследовании пошел еще дальше и объяснил мою неправильность,

как результат моего происхождения от одесских евреев.

— Те факторы слишком отдалены во времени и не поддаются учету, — многозначительно произнес Краснолобов.

— Хотя эти факторы и не поддаются учету, они не прекратились, не исчезли из мира бесследно, а продолжают в действительности существовать.

— Я в этом с вами не согласен, — возразил Краснолобов. — Существование отдаленных наших предков нами не познается непосредственно, а выводится как умозаключение, поэтому оно не реально.

— Антрополог все-таки узнал во мне моих предков.

— Да, но вы в своем самосознании лишены этих элементов, вы не существуете реально, как вы и как ваши предки.

— Расширенное наукой сознание может включить и такие абстрактные элементы.

— Мы имеем ваше утверждение, что вы сознаете себя, как русский, а не как еврей; понятно, что здесь речь идет о социальном сознании. Вы, впрочем, согласны со мной, что причины вашего поступка не следует искать в начале всех начал, если судить по объяснению, которое вы дали доктору Головину. Я позволю себе, однако, спросить у вас: зачем вы это сделали? Неужели вы не могли воздержаться от вашего фатального акта?

— Раз я не воздержался, следовательно, я не мог воздержаться, — коротко заметил больной.

— Это суждение я должен был бы сделать о вас, а не вы сами о себе. Есть общественные преграды, которые мы условились называть искусственными, хотя они сами по себе могут и не быть таковыми; что вы участвовали в заключении этих условий и признавали их, доказывает вся ваша прошлая жизнь.

— Эти условия не вечны, Никифор Андреевич, и они меняются при жизни людей, как непрерывный процесс и немислимы, как внезапная перемена, ибо в таком случае следовало бы представить себе возможным, чтобы в один момент все человечество умерло и ожило бы снова в другой момент.

— Я говорю не об условиях, — резко заметил проф. Краснолобов, — а об общественных преградах, которые мы условились называть искусственными, ибо мы знаем, когда, как и зачем мы их создали; мы можем видоизменить их по желанию, если осознаем, что перемена необходима, как благо, т. е., что она в интересах Правильности.

— Я с вами не согласен в том, что благо есть Правильность или, что Правильность есть благо, — решительно заявил больной.

Этот ответ пациента вызвал движение среди психологов, которые с большим вниманием следили за ходом допроса. Многим такое заявление пациента показалось странным и свидетельствующим о глубоком органическом пороке. Сам Краснолобов удивился неожиданному обороту дела. Ставя вопросы пациенту, он стремился развить одно за другим душевные движения, непосредственно предшествовавшие акту и прямо приведшие к нему; ему казалось возможным установить момент умственного забвения или временное притупление ясновидения, и найти причину этому в физическом и нервном переутомлении, проистекающем из случайных обстоятельств. В таком случае диагноз и прогноз для его старого коллеги по институту был бы благоприятным. Когда пациент заявил, что он не считает Правильность за благо, проф. Краснолобов немедленно решил, что преследуемая им тактика допроса не ведет к цели, и поэтому для скорейшего выяснения ситуации сам поставил вопрос ребром:

— Вы, стало быть, своим действием именно имели целью нарушение Правильности?

— Нет, этой цели у меня не было, — спокойно ответил больной, — но, как я уже неоднократно заявлял, мне тогда хотелось перелезть через Предельную стену и побродить по Московскому району.

— Раз вы не считаете, что высшее благо есть Правильность, то из этого следует, что вы уже давно мыслили, что нарушение Правильности допустимо при нашем общественном строе.

— Да, я постоянно думал, что Правильность должна быть нарушена, Правильность есть насилие над человеческим духом. В прежние эпохи стремление к Правильности было общим только в идее, а насильственное проведение принципов Правильности исходило от небольшой группы людей. Правильность признавалась неосуществимой. В нашу эпоху положение изменилось лишь тем, что к насильственным действиям определенной группы людей еще прибавились насилия каждого человека над самим собой. Но, став реальностью, истинная природа Правильности не изменилась: Правильность есть самоубийство духа.

— Мы считаем, что Правильность есть самая высшая форма развития человеческого духа, — торжественно проговорил проф. Краснолобов.

— Вы не можете этого доказать.

Краснолобов, подумав немного, сказал:

— Таков есть и таким постоянно был наш взгляд на Правильность.

— Из истории нам известно, что в ту эпоху, именно, в начале XX-го века, когда началось насильственное проведение принципов Правильности в массах при помощи строго научных методов, стоявшая во главе этой деятельности группа людей имела своей задачей уничтожение свободы и независимости людей массы и разрушение в корне самих источников, творящих любовь и стремление к свободе. Те люди не ошибались относительно своих намерений; о том свидетельствует и небывалый до того времени в истории человечества расцвет того печального искусства общественной лжи и ханжества и междуиндивидуального лганья и лицемерия, от которых человечество лишь постепенно и в продолжении веков отучилось. Наряду с этим происходил также процесс забывания первоначальной цели насильственного проведения Правильности. Люди понемногу освоились с фактами Правильности и приучились считать их необходимыми для своей жизни, а в настоящее время естественно, что они признаются выразителями высшей формы развития человеческого духа. Но сущность Правильности не изменилась: она была насилием над чело-

веческой личностью при первом своем появлении в XX-м веке и, развиваясь дальше во времени, продолжает быть насилием, но не превратилась в свою собственную противоположность.

— Позвольте вам заметить, Семен Яковлевич, что вы совершаете логическую ошибку, когда вы выделяете начало XX-го века из цепи исторических событий и приписываете этому периоду специальные задачи; изучение деталей этой эпохи показало бы вам, что XX-ый век, в действительности, уже существовал в XIX-ом веке.

— Правда, нет изолированных фактов, цепь событий непрерывна и бесконечна, как волны морские; где начинается волна и где она кончается?...

Но как мы сами индивидуальны в нашей краткой жизни, и ни один индивидуум не способен слиться с другим индивидуумом и исчезнуть в нем, так мы неспособны понять великое единство вселенной; мы вынуждены хвататься за видимые и осязаемые нами частицы и, выделяя их, организуем их потом в научные системы. Каждый человек происходит от двух других людей, это несомненно; но его зачатую предшествовало слияние двух индивидуумов в единое существо и исчезновение их собственных индивидуальностей, по крайней мере, на один момент; то же самое происходило, но раньше во времени, с каждым из этих предшествовавших людей, когда происходило их зачатие, и так до бесконечности во времени и численности. С этой точки зрения, каждый живущий человек есть бесконечно малое и несомненно существующее, как единица, во времени и пространстве; но ни один человек не может себя так познать в реальности. Сознание человека начинается памятью и ею измеряется; но проникают в его пассивное самопроявление и его деятельность также элементы бесконечности, не поддающиеся измерению и неспособные подчиняться регуляризации, а поэтому, противоречащие Правильности. Такова природа человека. Сознание человека, по необходимости ограниченное его индивидуальной памятью, есть, следовательно, бесконечно малое по отношению к его собственной природе. Наука, т. е. опытное наблюдение, ус-

танавливает это, точно также и то, что насильственное проведение принципов Правильности в широком масштабе было невозможно в XIX-ом веке, когда употребление беспроволочного телеграфа и телефона, несомненно, еще не было известно. Стремление к Правильности и соответствующая деятельность существовали и в XIX-м веке и еще раньше, но оно приобрело значение разрушителя человеческих свобод и его природных прав, когда оно возросло до размеров великой общественной силы, и тогда эта сила была использована, как могущественное орудие притеснения всех людей. Великая общественная сила была узурпирована и обратилась во внешний фактор, а потому противоестественный и враждебный людям.

— Как я вас понимаю, — медленно начал свое возражение проф. Краснолобов, — ваша метода мышления состоит в сцеплении бесконечно великого с бесконечно малым. Человек в своем реальном существовании есть соединение двух бесконечных и противоположных представлений: великого, завершившегося в прошлом, и малого, индивидуального существования в каждый переживаемый момент. Весь остальной мир есть бесконечно великое в пространстве и во времени и равняется хаосу, из которого вылавливаются единичные представления в тот момент развития, когда границы их кажутся наиболее обозначенными, и принимаются, как факт или внешнее явление. Человек и внешнее явление суть тогда, в реальности, две пары комбинаций бесконечно великого с бесконечно малым. Не буду спорить против этого метода. Какова природа одного человека, такова природа всякого другого человека. Число людей, живущих в каждый момент на поверхности нашей земли, хотя и равно определенному количеству единиц, неисчислимо, вследствие своего множества, и практически может считаться бесконечно великим; по отношению к этому числу, отдельный человек есть бесконечно малое. На основании этого вполне логично будет, и в духе с вашим методом мышления, если я буду утверждать, что взаимоотношение индивидуума и всего остального человечества, этих двух бесконечных представлений, существование которых

совпадает во времени, так же реально и обязательно, как взаимодействие индивидуума и человечества прошлого, прямым продолжателем которого он является. В одном случае мы имеем сцепление бесконечно великого с бесконечно малым в пространстве, а в другом сцепление бесконечно малого с бесконечно великим во времени, т. е. мы имеем два понятия, по своей форме, тождественные, а потому и по сущности равнозначные.

— Нет, Никифор Андреевич, — воскликнул с некоторым оживлением пациент, — равенство обоих положений только кажущееся. Несомненно, что каждый живущий человек является продолжателем рода бесконечного множества предшествовавших поколений и что он носит в себе их наследие. Пространственное существование человека ограничивается размерами его тела и его передвижениями, которые в прежние эпохи были потенциально ограничены размерами земного шара, а в средней действительности, равнялись сумме передвижений всех людей, деленной на число людей; в результате равное, вероятно, пространству одного нашего района, которое является реальной границей пространственного существования человека нашей эпохи Правильности. Невозможно думать, что человек, в каждый момент, находится в реальном отношении со всеми остальными людьми, населяющими земной шар; невозможно себе представить и одного такого момента. В нашу эпоху Правильности, когда каждый человек похож на всякого другого человека и своим телом и умом и своей деятельностью, и когда множество людей, живущее в одном районе, похоже на множество людей, живущее в другом районе, и район похож на район, может возникнуть мысль, что человек находится в живом соотношении со всеми остальными людьми. Из прежних эпох мы знаем, что два и больше разных человека могли жить совершенно различной жизнью как по своей внутренней, так и по своей внешней деятельности, несмотря на их пространственную близость и соприкосновение. В одном доме могло быть богатство, довольствие и блаженство, а в соседнем доме нищета и мизерия; где-нибудь могли случиться пожар, наводнение или зем-

летрясенне, а люди, которых эти бедствия не касались непосредственно, могли и не знать о них или же, узнав, испытать только легкую душевную реакцию. Междудлюдские отношения в нашу эпоху отличаются резко от междудлюдских отношений в другие эпохи. Уже это неравенство отношений, очевидное при сравнении эпох, т. е. сопоставлении во времени, есть достаточное основание для исключения возможности тождественности ваших двух положений. Если исключить хаотическое состояние, при котором логически признается, что самое ничтожное действие в одном месте не пропадает бесследно, но отражается, как нечто, и в бесконечной дали вселенной, то естественно думать, что один человек может, по своей природе, вступить в реальные сношения только с ограниченным и небольшим числом других людей. Однако, ни один человек не может не быть тем, чем его сделали предшествовавшие поколения его рода, ибо он, при своем появлении на свет, есть уже их готовый результат. Прошлое есть законченное, неизменное и целиком живущее в новом индивидууме. Пространственное есть внешнее и необъятное для индивидуума, а потому, по необходимости, ограниченное; оно с точки зрения индивидуума есть случайное, и как неслучайное им не может быть достигнуто. Следовательно, обязанности, связывающие человека по отношению ко всему человечеству, в действительности не существуют, они иллюзорны и ошибочны.

— Я констатирую, Семен Яковлевич, — с некоторым раздражением произнес председатель, — вы опять прибегаете к вашему методу сцепления двух крайностей: или хаотическое состояние, в котором и пылинка не исчезает бесследно, или же отобранная и в себе замыкающаяся, небольшая группа индивидуумов; прежде сцепление крайностей было положительное, а теперь сцепление исключаящее, отрицательное. Практическая, ежедневная жизнь не дает нам этих фигур. Отдельные события воспринимаются нами сразу и приблизительно одинаково каждым человеком нашей эпохи; так было с людьми и во всякую другую эпоху. Для всех практических целей мы можем считать та-

кие, непосредственным образом установленные факты несомненными, а они не укладываются в вашу систему мышления посредством фиксации двух крайностей, ибо и эти крайности, поскольку они существуют, суть только отдельные факты в серии или в хаосе. Вы сами признаете, что ваше действие было нарушением Правильности, и я, и всякий другой в этом не сомневается. Нарушение Правильности опасно для жизни людей нашей эпохи, ибо оно разрывает их гармонический общественный строй, и люди защищаются от этого зла посредством строжайшего отношения к самим себе, следовательно, и ко всякому отдельному лицу, обнаружившему неправильность. Было бы нелепо думать, что это только я и присутствующие здесь члены заседания осуждают ваш поступок; все жители нашего района, и даже жители другие районов, следовательно, вся Россия вас порицает. Правда, как вы говорите, что один человек не может вступать в непосредственные сношения со всем остальным человечеством, а потому, с другой стороны, невозможно, чтобы все человечество вам прямо в глаза выразило свое осуждение; для этого необходима и достаточна только одна и небольшая группа людей, и, если бы вместо меня и других, сидящих здесь, людей была призвана какая-либо другая группа людей из нашего или другого района, отношение к вам было бы одинаковое по сущности и отличалось бы, может быть, только меньшим искусством и большей резкостью, т. е. почти то же самое произошло бы, когда в древние времена, во время неурядиц, правильный и законный суд заменялся самосудом. Наш строй Правильности, какой он существует и каким мы его познаем, есть результат бесчисленного множества действий, происшедших в течение веков; если кто находит недостатки в нем и ищет в прошлом причин их возникновения, тот неизбежно приходит к открытию исторических ошибок, откуда эти недостатки берут свое начало. Но кто находит исторические ошибки, тот обнаруживает только свой собственный темперамент, свое нетерпение в исследовании прошлого; да оно и весьма понятно, ибо прошлое человечества составилось из бесчисленного множества бесконечно малых

и равнозначащих фактов. В действительности нет и не может быть ошибок, но в человеческом рассуждении неизбежны ошибки.

— Мы с вами теперь совершенно согласны: вы прицелитесь человеческий разум, но и я воюю против разума. Весь наш строй Правильности есть продукт разумной деятельности.

— Нет-с, мы с вами не согласны, — строго проговорил проф. Краснолобов и замолчал.

После некоторой паузы проф. Гольдовский глубоко вздохнул и, окинув всех испытующим взглядом, заговорил:

— Что дало человечеству господство Правильности? Равенство. Осуществилось равенство видимое, и всякое видимое неравенство исчезло. Самый низменный из человеческих инстинктов удовлетворен. Стремясь к равенству, человек необходимо должен отказаться от своих собственных и унаследованных природных дарований; вместе с этим он и от всякого другого человека, неумолимым образом, требует той же жертвы; он становится палачом для самого себя и для всякого другого человека. Равенство достигнуто, но потеряна свобода, зачахло творчество. Когда человек стремится к тому, чтобы быть равным другому человеку, тогда немисливо творчество, ибо творчество есть реальное выражение заложенных в человеке душевных дарований. Осуществилось ли братство людей? Нет. Равенство достигнуто дорогой ценой. Все низменные человеческие свойства выступили наружу: зависть, ревнивость и враждебность между людьми; наглость сердца и самотерзание; преследование высших индивидуумов за их природные дары; жажда мести, бессильная злоба, страх, ненависть и насмешка над слабым и менее одаренным были ответными нотами сильных и независимых. Из этих элементов не могло вырасти и развиваться божественное чувство братства между людьми. Когда принципы Правильности проникли в широкие массы людей и восторжествовали над их самобытностью, исчезли первородные причины борьбы между людьми. И что же, не воцарилось умирительное братство, а только появилось омерзительное чувство безразличия к природе и к

людям. Есть ли свобода? Нет. Основным свойством свободы есть способность человека передвигаться с места на место. Ограничение свободы передвижения человека, хотя бы в идее, есть самое тяжкое посягательство на его природное право. Свобода передвижения всегда идеальна, ибо, в действительности, она ограничивается представлением человека о его природных силах. Конечно, невозможно себе представить, чтобы все многомиллионное население какой-либо страны находилось в постоянном движении от границы до границы, но известная часть населения не переставала мигрировать. В нашу эпоху Правильности ни один человек не переходит за пределы своего района, и все его внутрирайонные движения предусмотрены и направлены извне общественным регулятором; ни один человек не передвигается с места на место по своему собственному импульсу. У человека отнимали свободу при помощи разума, так что потом, под влиянием своего разума, он стал сам ее отдавать; но, странно, никто ее не получил. Где же обитает свобода в нашу эпоху? Можно думать, что в мире имеется только определенное количество свободы, и она была отдана человечеству; но, распределенная поровну между всех людей, она распалась на такие мелкие доли, в каких она, хотя и не перестала существовать, бессильна проявляться и оформляться и, поэтому, остается непознаваемой. Человек равен другому человеку, да! Но творческие способности иссякли. Человек не злобствует, не ворует и не убивает, это так. Но он не радуется и не любит; он стал безразличным и неподвижным, как дуб, растущий в лесу.

Каковы результаты подчинения человека, всего живущего человека, одному разуму? Софистикация продуктов, служащих предметами потребления, вместе с рационализацией производства и распределения, сделали возможным, при данной высшей мере эксплуатации природных богатств, размножение человечества. Под строжайшим контролем и руководством санитарной науки, люди размножались и заполнили всю землю. Наконец, были достигнуты границы размножения людей, и каждый человек равен другому человеку, и любовь и ненависть перестали существ-

воват; и, вот, человек сам на себя накладывает руку, требуя от себя строжайшего самоконтроля. Самоограничение духа сопровождается самоограничением плоти.

Люди равны и одинаковы. Нет великих гениев и творцов мысли и чувства, но есть убожество духа. Истребление гениальных людей осуществлялось в истории прошлых веков, как предупредительный процесс, механически и целесообразно. Истребление было разумное и безрадостное, и этим оно отличалось от истребления физических гигантов, цветущих молодых людей-гладиаторов времен Римской империи. Тогда на арену высылались толпы молодых людей, отличавшихся необыкновенной крепостью своего тела, и вступали между собой в смертный бой для утехи цезарей и дикой черни. Санитарная наука уничтожила слабых и больных, — носителей горя и печали; уничтожила гениев, носителей глубоких радостей и великих страстей; она предупредила и отняла у человека возможность крайнего исхода: физического самоуничтожения посредством отравления своего мозга ядовитыми веществами, дававшими хотя бы временный обман и иллюзию красоты и радости; она уничтожила даже умственную и моральную мастурбацию, которая в древности выражалась в форме религии, душу обманывающей надежды и восторженной веры в какое-то невидимое и непонятное высшее существо. Но зато она осуществила низменное равенство между людьми. Таков наш общественный строй, такова эпоха Правильности.

Но, хотя сатурация земли человеческим родом наступила, и человек достиг совершенства, изменения, вследствие органического развития, в теле человека и его мозговой субстанции не прекратились, как не остановилась сама жизнь. Какая пища кроется в принципах Правильности для все растущих требований органически развивающейся мозговой субстанции? Кто знает, в какую сторону повернет завтра эта таинственная и страшная человеческая сила? Правильность установила строй неподвижности и незыблемости, общественный строй для умерщвления духа, ибо стра-

шен свободный дух человека. Правильность есть самоубийство из-за трусости.

— Семен Яковлевич, к чему служат эти lamentации или грозный и пророческий пафос? Будущее еще не наступило; и, если мы не можем знать прошлого, то еще меньше можем мы воспринять будущее. Вы не описываете недочетов нашего общественного организма, а только обнаруживаете свое собственное недомогание. Человек нашей эпохи знает, что он, в действительности, одинаков и равен всякому другому человеку. Равенство прежних эпох было абстрактной идеей, только пустой фразой. Наука изменила человеческую природу и сделала равенство возможным в действительности. Равенство есть продукт науки. Человек изменился в своих отношениях к другому человеку — своему ближнему. Несмотря на многовековое учение древнего христианства о братской любви между людьми, истинные отношения были: вражда, ненависть и злоба, согласно древнему изречению: «*Homo hominis lupus est*».

Только в нашу эпоху совершенно исчезли зверские инстинкты в людях. Правильно так, как вы говорите, что свобода разбилась на мелкие доли и распределилась между всеми людьми и в своем малом виде стала совершенно незаметной и непознаваемой: это правильно, это так и, очевидно, иначе быть не может. Человек, по существу, не волен в своих действиях; его воля и воля ограничены реальностью, т. е. всем остальным миром, включая и его собственный индивидуальный организм. В прежние эпохи человек, угнетенный чужой волей, страдал и для своего утешения обманывал себя великими призраками совершенной независимости и незапятнанной свободы. В настоящее время самообман не нужен, а потому и забыты прекрасные химеры и призрачные мечты; мы находим удовлетворение в знании, в науке о человеке и природе. Эпоха Правильности есть эпоха самоосуществляющейся истины. Наш общественный строй есть результат бесконечного множества исторических фактов и, по тому самому, точное познание его развития нам недоступно; но несомненно, что каждое явление следовало, как неизбежное образование

предшествовавших явлений; необходимость и неизбежность суть признаки нашей эпохи в той же мере, как и всякой другой эпохи; и мы можем с совершенно спокойной совестью пользоваться всеми материальными благами, которые даются нам, как естественный и даже грациозный дар, благодаря незыблемости и неподвижности нашего общественного строя Правильности.

Проф. Краснолобов закончил свою речь таким тоном, что было ясно, что он считает всякие дальнейшие дискуссии с пациентом излишними и, как бы для формы, спросил у него:

— Не желает ли он еще сказать что-нибудь?

Проф. Гольдовский тогда заявил, что его цель не нарушение Правильности, а разрушение всего строя Правильности, что он не может сделать больше того, что он уже сделал; как он сам был поражен возникшими в его уме мыслями о разрушении Правильности, так и другие люди не минуют последовать за ним и произведут на свет такие же разрушительные мысли.

— Сегодня я один, завтра нас будет много!..

Таковы были заключительные слова пациента. По знаку председателя, представитель администрации подошел к пациенту и, попросив его следовать за собой, увел его из залы заседания.

Открыв дискуссию, проф. Краснолобов обратился к членам института с краткой речью, в которой, между прочим, сказал:

— Вы, несомненно, обратили внимание на поразительное ослабление в процессе мышления пациента, когда он вдруг заявил: «Мы с вами теперь согласны, и вы, и я боремся с человеческим разумом... человеческий разум породил строй Правильности». Наш пациент ошибочно думает, что эпоха Правильности создана целиком усилиями разума; планомерной и целесообразной деятельностью единого разума, гордого и преступного разума. Это совершенно произвольное мышление. Факты истории не оправдывают подобного взгляда. Известно, что в начале XX-го века, благодаря новейшим для того времени техническим изобретениям,

общественная деятельность в большом, международном масштабе стала возможной; в разных местах и в одно приблизительно время, одинаковая общественная деятельность проявилась. Воодушевленные принципами разумной жизни, люди в разных местах, пользуясь одинаковыми средствами, делали одинаковое дело: боролись с общественным злом. Только впоследствии отдельные группы деятелей соединились в одну всемирную могущественную организацию. Естественно, что разом проявился во всех делах и событиях прошлого, но не как единый, всемогущий, всезнающий и злонамеренный разум, как думает наш пациент. Если я порицал разум, так не тот великий, социальный разум, который вековым светом освещал путь человечеству в мучительном процессе приближения к совершенству, но разум индивидуальный, бессильный, в частности, разум нашего пациента, который, проникновенным взором всматриваясь в события отдаленного прошлого и сравнивая их с фактами нашего времени, открывает признаки единой руки, единого деятельного разума, гордого, неумолимо-жестокое, равняющего и обезличивающего. Такой логической связи между нашей эпохой и отдаленным прошлым нет, ибо разум индивидуальный не в силах этого доказать. Но наш пациент этого не понимает. Мощные страсти булурвают его душу; неясные грезы отдаленных поколений отуманивают и волнуют его ум; он потерял контакт с окружающей его действительностью; он к нам уже не вернется.

Во время дискуссии Димитрий Иванович, следивший с напряженным вниманием за развитием идей сторон и за постепенным и подробным выяснением самых глубоких и скрытых мотивов пациента, не раз сожалел, что по молодости своей он еще не призван к активному участию в публичных и официальных дискуссиях института. Ему казалось, что обе стороны не были свободны от предубеждений; в особенности это стало заметным, когда после перерыва, открыв заседание, проф. Краснолобов высказался в чрезвычайно неблагоприятном для пациента смысле. Димитрия Ивановича охватило чувство грусти, непонятное ему доселе чувство, когда он, наконец, очутился в поезде

подземной железной дороги, ведущей в квартал № 28. Он знал и не сомневался, что так правильно, как было решено на заседании психологов; но он чувствовал, что и теперь, когда Семена Яковлевича осудили за нарушение Правильности, он столько же, а может быть, еще больше, чем раньше, любит и уважает своего славного и дорогого профессора.

Глава седьмая

ПРАВИЛЬНОСТЬ ПОДДЕЛЬНАЯ

In the English countryside there are no books at all, no songs, no drama, no valiant sin even; all these things have never come or they were taken away and hidden generations ago, and the imagination aborts and bestializes.

H. G. Wells,
Tono-Bungay, p. 79*

Иван Васильевич был доволен сыном.

Внезапно пробудившаяся половая страсть, угрожавшая нарушением Правильности, как будто улеглась; во всяком случае, Дмитрий Иванович был наружно спокоен и очень редко в своих разговорах упоминал о своей невесте; не спешил с венчанием, так что предвиделась возможность подождать со свадьбой до следующего, регулярного зимнего брачного сезона. Странное происшествие с проф. Гольдовским и признание его безнадежно неправильным человеком занимали ум и душу Димитрия Ивановича. Не будучи в состоянии понять ясно точку зрения проф. Краснолобова и других диспутантов и даже некоторые изречения своего излюбленного профессора, он временами испытывал сомнения в правильности своего собственного призвания и терял

* «В английской провинции нет ни книг, ни песен, она не знает ни потрясающих душу драм, ни сладости дерзкого греха. Все это или вообще не проникло сюда, или было изъято из употребления и выкорчевано уже много лет назад; поэтому воображение этих людей остается бесплодным и пробуждает низкие инстинкты». Г. Уэллс, «Тоно-Бенге» (пер. А. Горского).

веру в свои духовные силы. Эти язвительные мысли и чувства причиняли Димитрию Ивановичу много муки и огорчения, но он крепился и страдал внутренне сам, никому не открывая своей души. День проходил за днем. Каждый день приносил что-нибудь новое для него; ежедневный труд был обязателен и необходим. Димитрию Ивановичу, как молодому человеку, не позволялось иметь свободное время, когда бы он мог изолировать себя и углубиться в изучение какого-либо вопроса или продумать исключительно занимавшие его в тот момент мысли и чувства. Излишняя сосредоточенность в молодом возрасте признавалась нежелательной и опасной с точки зрения строгой Правильности. Димитрий Иванович это знал: он не мог ни остановиться, ни отстать от других молодых коллег, а должен был следовать, не озираясь, по предназначенному для него пути. Неразрешимые вопросы откладывались неразрешенными на будущее. Он должен бодро и доверчиво идти вперед.

Иван Васильевич был доволен своим сыном. Однако, в один вечер, когда на газетной доске возвещено было, что через день будут разосланы по всем квартирам копии отчета Специальной комиссии для исследования положения междоусобной войны в Северной Америке, он был немало удивлен, заметив, что Димитрий Иванович не в достаточной мере интересуется этим документом первостепенной важности. Вначале он думал поговорить с сыном и сделать ему внушение; но потом рассудил так: молодой человек теперь занят многими другими работами; он характером силен, так как он был в состоянии побороть в себе такую опасную вспышку страсти; он, несомненно, правилен и в своих действиях, и его спокойное отношение к этому чрезвычайному событию правильно и заслуживает подражания. Иван Васильевич стал думать, что, может быть, сам он увлекается международными событиями и, поэтому, преувеличивает их значение.

Когда документ наконец получился и когда наступил вечер, назначенный Центральным Бюро для его чтения в домах квартала № 28, Иван Васильевич торжественно достал

официальный пакет из своего книжного шкафа и почтительно передал его в руки своего сына.

— Димитрий Иванович, — произнес Иван Васильевич, кланяясь своему сыну, — прошу вас прочесть вслух перед всеми нами содержание сего документа.

Димитрий Иванович развернул пакет и громким голосом стал читать:

«От Министерства Иностранных Дел всему Русскому народу. Копия донесения Специальной комиссии для изучения на месте общественных событий в Америке, в видах выяснения целесообразности посылки русских войск в помощь Американскому правительству.

Через Центральное Бюро Петербургского района сия копия посылается Ивану Васильевичу Чернышеву, жителю квартала № 28, для изучения и совместного обсуждения во время семейно-общественной функции. После чего сей документ предлагается занести в домашний архив и оставить на хранение в семейной библиотеке.

События, разыгравшиеся в Сев. Американском государстве в последние месяцы прошлого года, суть не что иное, как ряд насильственных действий, сопровождаемых безумными и буйными взрывами негодования масс простонародья. Это есть новая, обостренная фаза старой, никогда не прекращавшейся внутренней борьбы между разными группами населения. В этой борьбе, более или менее определенной теперь, легко можно узнать действие элементов, характерных для общественных эпох отдаленной древности. Это настоящая гражданская война и представляется: не то — как борьба классов, не то — как восстание рабов, не то — как бунт в тюрьме; ибо она есть, в действительности, полное смешение всех этих признаков.

Принцип Правильности официально признан и обязателен в Америке. Но вследствие особенного общественного порока, которым страдает это государство от начала своей истории, состоящего в том, что никакое общественное предприятие или дело не проводится в полностью, целиком, и никогда не достигает своего логического завершения, но обрывается где-нибудь на полпути, принцип всеобщей Пра-

вильности, хотя зарожденный в Америке, но потом в своей законченной форме, как цельная и стройная система, введенная туда из Европы, не был узан населением, остался непознанным и на практике превратился в нечто невообразимо уродливое.

Страна разделена на районы, как у нас. Каждый район состоит из трех участков: Возвышенного центра, Промежуточной полосы и Лабиринта.

Работающее население живет и трудится в Лабиринте. Улицы в этой части района достаточно широки и, вследствие их нескончаемой длины, кажутся прямыми; на самом деле они так построены, что в известных пунктах, где много улиц сбегаются вместе, каждая из них незаметно для глаз принимает новое направление и постепенно возвращается к своей исходной точке. Лабиринт нигде не заканчивается. Жители Лабиринта, сколько бы они ни шли, в одном направлении или в разных направлениях, никогда не могут увидеть берега, или стены, или горы, или какого-либо видимого конца-края домам и улицам. Для жителей Лабиринта не существует никаких писанных законов, и каждый человек свободен жить так, как ему вздумается. Не только нарушения Правильности, по нашим представлениям, но и уголовные преступления, как убийства, насилия, грабежи, изнасилования женщин и малолетних и открытый, зверский половой разврат суть явления естественные, обыкновенные и частые. В последние десятилетия были отменены даже санитарные регламентации, так как американские ученые признали их недействительными, а потому нецелесообразными и ненужными. Пища и другие продукты потребления доставляются жителям Лабиринта в установленное время и в определенных местах. Эти продукты выдаются каждому лицу по представлению трудового знака человеку, сидящему внутри склада за решетчатым окном; причем выдача производится раз в неделю и покрывает все продукты, необходимые жителям этого квартала на всю неделю. Кто не имеет трудового знака, тот не имеет средств обмена и остается без продуктов первой необходимости. Все дома в этой части района построены из искус-

ственного камня на железной раме; они имеют правильную кубическую форму и сливаются в ряды, называемые кварталами. На каждой площади стоят одно возле другого два огромных здания, сложенные из железа и бетона; это фабрика и склад. Все труженики на фабрике суть жители Лабиринта, за исключением небольшого числа людей, пришедших из Промежуточной полосы. Обязанность последних есть управление трудом. Управляющие, как не принадлежащие Лабиринту, не смеют выйти за пределы фабричного здания. По окончании процесса труда, они запирают фабрику изнутри и удаляются через потаенную дверь в привилегированную комнату, где они остаются ждать в совершенном молчании. Вскоре открывается дверь-автомат, и они все переходят в цилиндрический лифт, который, медленно и постоянно вращаясь вокруг своей центральной оси. Спускается в подвальное помещение, откуда узкий коридор ведет на станцию подземной железной дороги. Подъезжающий поезд их забирает и отвозит в Промежуточную полосу.

В складе лежат готовые продукты, вырабатываемые на фабрике, а в дни обмена сюда доставляются все предметы потребления, подлежащие выдаче населению Лабиринта. Все люди, занятые в складе, приходят сюда из Промежуточной полосы, и только один человек, по своему происхождению принадлежащий к Возвышенному центру. Представитель Возвышенного центра есть владыка; он управляет складом и фабрикой, и власть его абсолютна и никем и ничем не ограничена; он незаметен и, кроме одного, постоянного управителя складом, никому из остальных сотрудников в лицо не известен. Служащие в складе набираются из разных кварталов Промежуточной полосы и так часто меняются, что они не имеют времени узнать друг друга; их работа несложна и одинакова на всех складах; их воля подчинена дисциплине, непосредственным выразителем которой является управитель, принимающий их в первый момент их появления в складе.

Все население Лабиринта состоит из рабочих. Как невозможно для рабочего физически выйти из Лабиринта, точ-

но так же невозможно, чтобы рабочий поднялся духовно над горизонтом материальных предметов, которые в действительности доступны его зрению. Жители Лабиринта знают только труд и свободу от труда; если прибавить к этому еще некоторое знание людей, вытекающее из неизбежных отношений и столкновений со множеством других людей; знание улиц и домов, построенных из искусственного камня и железа; созерцание узких полос неба и видимые иногда небесные тела; наконец, перемены погоды и времен года, которых здесь всего два: холодное и жаркое; то получится полное суммирование умственного багажа каждого и всякого жителя этой части района. В Лабиринте нет ни насекомых, ни зверей, ни червей, ни птиц, ни травы, ни деревьев. Единое, живущее существо есть сам человек. Ботанические и зоологические сады не находятся в этой части района. С тех пор, как социологическая наука доказала американцам, что можно держать в повиновении большие массы людей и без помощи пропаганды и внушения ложных идей, существование школ, газет, книг и церквей потеряло всякий смысл и, потому, <они> были изъяты из Лабиринта и прекращены навсегда. В настоящее время книги и всякое образование, вообще, даже простая грамотность больше не встречается в Лабиринте. Таким образом, жители Лабиринта не знают о том, что есть цивилизация, образование, книги или простые письменные знаки; они не имеют представления о том, что на свете существуют растения, животные, земная почва, горы, моря, реки и т. д.

Глубоко в памяти каждого жителя живет воспоминание о событиях давно минувших времен, о деяниях людей прежних поколений. История Лабиринта известна каждому жителю по многочисленным преданиям, которые переходят из поколения в поколение. Происшествия дня, как и слухи, рождающиеся неизвестным образом, а зачастую целесообразно пускаемые специальными агентами из Промежуточной полосы, распространяются с удивительной быстротой по всему Лабиринту, переходя, как электрическая дуга, от одной человеческой головы к другой.

Возвышенный центр занимает обширную площадь, отделенную Промежуточной полосой от Лабиринта, и состоит из небольшого числа дворцов и крепостей. В этих величественных замках живут владыки-повелители, властвующие над всем районом. Здесь сосредоточены все средства сообщения. Возвышенный центр есть как бы социальный мозг, в котором хранится знание, проистекающее из всех концов и углов целого района; здесь лежат ключи, открывающие перед умственным взором владык зрелище жизни во всех ее деталях; здесь кроются звенья, связывающие центр со всеми отдаленными окраинами района; только отсюда возможна связь с остальными районами всего государства. Здесь ведаются и управляются все дела района. Население Возвышенного центра называет себя Владычеством, и каждый человек есть владыка. Замок есть жилище владык и в то же время государственное учреждение, ведающее какой-либо определенной отраслью государственной деятельности. Из поколения в поколение передается одна и та же отрасль и неизменно остается принадлежностью и привилегией этого рода владык.

Для главного управления всеми делами замка выбирается один из членов рода, признаваемый большинством семьи, как наиболее способный для такой фамильной деятельности, и он тогда приобретает титул Верховного владыки. Весь опыт, накопленный поколениями и хранящийся в роде, переходит в распоряжение Верховного владыки, который пользуется им мудро, расширяет и обогащает его в течение своей жизни и потом, устраненный глубокой старостью или смертью, передает его, как дар и наследие, своему избранному потомку. Замок, будучи центром одной отрасли государственной деятельности, есть также крепость и снабжен военно-политической организацией, имеющей разветвления во всем районе; она составляет собственность замка и находится под непосредственным и абсолютным контролем Верховного владыки. Личная свобода каждого владыки безгранична, и его жизнь и деятельность находятся вне сферы влияния и прерогатив Верховного владыки. Воля владыки есть абсолютный закон для каждого и вся-

кого жителя Промежуточной полосы, а через них и для жителей Лабиринта. Движения и действия владыки никем не могут быть ограничены. Принцип Правильности приспособляется здесь к специальным требованиям, выработанным опытом и вытекающим из необходимости совместной жизни владык, и к их утонченным чувствам и отношениям между собой. Правильность полагает, что каждый владыка, в своей личной жизни, стремится к расширению своих знаний, к наибольшему количеству и разнообразию душевных и телесных ощущений. Умственная культура Владычества чрезвычайно высока и составляет ревниво оберегаемую привилегию Возвышенного центра. Однако, несмотря на богатство и многообразие умственной и духовной деятельности, а может быть, и благодаря этому, зарождение музыкальных и художественных талантов в среде владык отсутствует совершенно, и тем повелительнее у них потребность в театраль-ных развлечениях и в наслаждениях произведениями художественных и изящных искусств. Для удовлетворения этих потребностей необходимо пользоваться материалом, который еще можно найти, в природном виде, среди жителей Промежуточной полосы и Лабиринта.

Высшие функции по управлению всем государственным механизмом находятся непосредственно в руках Верховных владык, а потому и все высшие государственные учреждения сосредоточены в Возвышенном центре. Все университеты, военные академии, осведомительные бюро, полицейская дирекция, министерства индустрий, обмена продуктов и т.д., все эти органы управления и знания составляют отдельный городок в Возвышенном центре. Вся масса рутинной канцелярской работы, необходимой для правильного функционирования этих учреждений, выносятся отсюда и совершается в Промежуточной полосе под руководством и наблюдением владык. На жителей Промежуточной полосы падает все бремя этой второстепенной работы. Жители Промежуточной полосы никогда не покидают своей части района; здесь они рождаются, вырастают, служат в конторах и умирают. В тех случаях, когда, по обязанности службы, жителю Промежуточной полосы необ-

ходимо идти в Лабиринт, ему выдается специальное дозволение и соответствующие инструкции. В Возвышенный центр имеют доступ только артисты и артистки, которые доставляются туда исключительно на время представления или для исполнения ролей в оргиях полового разврата и в оргиях жестокости, которым часто предается известная группа владык. Население Промежуточной полосы представляет собой значительное разнообразие человеческих типов как по физическому, так и по умственному укладу, в соответствии с богатством различных форм труда, к которым они прикреплены. Здесь, как и в Возвышенном центре, определенный труд составляет обязанность семьи и, по большей части, переходит из рода в род. Промежуточники, так сказать, прикреплены к своей общественно-бюрократической функции; есть такие жители, которые насчитывают десять и более поколений своих предшественников, которые, в одной и той же конторе, занимая то же самое кресло, сидели и заносили бумаги в книги по исходящим делам, и всю жизнь ничем другим не занимались. Но здесь есть и такие занятия, которые требуют от труженика больших знаний, природной даровитости и долгой выучки.

Принцип Правильности в этой части района выражается в целом ряде обязательных для населения законов. Уклонение от Правильности наказывается строжайшими карами, главным образом, телесными наказаниями, которым всегда предшествует официальное и публичное объявление о времени исполнения наказания и о характере проступка провинившегося. Телесное наказание никогда не совершается в Промежуточной полосе. Подлежащий наказанию промежуточник переводится в Возвышенный центр, в экзекторскую, особое помещение при Полицейской дирекции и так устроенное, что владыки, любители сильных ощущений, желающие присутствовать, могут остаться вне поля зрения преступника и спокойно предаваться созерцанию того или другого рода телесных истязаний. Неисправимые, после многократных наказаний, преступники подвергаются смертной казни или же отправляются на вечные работы в копи, где они находятся под ведомством между-

районной полиции. Огромное большинство жителей Промежуточной полосы подчиняется законам Правильности; этим живет весело, приятно и даже интересно. Умственный кругозор жителя Промежуточной полосы укладывается и необходимо должен укладываться в границах его территории, которая для него существует в виде двух концентрических и параллельных линий. Одна линия есть Предельная стена, за которой находится Лабиринт, представляющийся ему, как вечный ад и тление. Другая линия ему не видна; но он знает, что за рядом государственных канцелярий и учреждений увеселительного характера и позади тех мощных и страшных своей угрюмой массивностью крепостей, есть страна, где господствует беспредельная радость и счастье, вечное блаженство, царство всеильных владык-полубогов; там недоступный для него Возвышенный центр. Если промежуточник взлезет на крышу своего дома, то в ясную погоду он может разглядеть бесформенный массив блистающего золотого купола Высокого Собрания, куда Верховные владыки иногда сходятся для обмена мнениями. Только весьма редкие из жителей Промежуточной полосы знают в лицо какого-нибудь владыку, но никому, даже самому выдающемуся из промежуточников, не дозволено знать больше, чем одного владыку.

Улицы Лабиринта всегда оживлены народом. Не существует средств прямого принуждения к труду, а потому многие из жителей не идут на фабрику, когда не чувствуют расположения работать; другие идут работать лишь тогда, когда уже все съестные припасы вышли и предвидится голодная неделя. Наконец, есть и такие люди здесь, которые сами никогда не работают, но под влиянием страха заставляют работать на себя других; они принуждают своих подневольных отдать им часть полученных продуктов или трудовые знаки. Люди на улицах находятся в движении, чаще сходятся в группы, привлеченные каким-либо предметом общего интереса; они толкуют, ссорятся между собой, часто вступают в драки; иногда поют какие-то странные и дикие песни; танцуют почти всегда один и тот же танец, каждый танцор в одиночку кружится на одном месте, медлен-

но раскачивая телом под такт песни, которую он сам или его друг напевает; часто видны сцены полового разврата и жестокой расправы над более слабыми индивидуумами, которые почему-либо отказываются исполнить требования более сильных или паразитов. Насилия, жестокости и половой разврат обыкновенно являются способами, которыми паразиты мстят своим подчиненным или заставляют их работать на себя. Жестокости бывают утонченными и долгими и обыкновенно заканчиваются тем, что изуродованный и окровавленный подчиненный вынужден оставить свое беспечное времяпрепровождение на улице и возвратиться в свое логовище, где он остается под стражей паразита до следующего утра, а потом уже с большей охотой идет на фабрику работать.

Собственно, большое, массовое движение людей по улицам Лабиринта начинается тогда, когда жители, возвратившись домой с фабрик и покушав, выходят обратно из домов и рассыпаются по всем улицам. В эти часы Лабиринт подобен муравейнику, в котором люди двигаются во всех направлениях, бродят без цели во все стороны и вокруг одного и того же места. Крики, говор, смех, гулкие восклицания и несметный топот движения, — все это превращается в невообразимо оглушающий шум и хаос. Люди бродят по всем улицам; одна толпа сталкивается с другой; происходит распыление и обратное сплочение в мелкие группы. Люди различных кварталов смешались между собой и, вследствие плохого освещения на улицах, никто более не в состоянии отличать своих от чужих. То здесь, то там происходят свалки; раздаются дикие крики озлобления и отчаяния; люди, лишенные оружия, зубами впиваются в тела своих смертельных врагов момента; кулаками бьют в наиболее уязвимые части тела и руками судорожно охватывают шеи противников и душат до последнего издыхания. Другие люди на борющихся и в последней агонии, барахтающихся по земле людей не смотрят, но, переступая через их тела, продолжают, свое бесцельное движение вперед. Вдруг ужасающий гул толпы слышен; множество людей бежит куда-то, возбужденные неизвестно чем, как будто все

они, вдруг, попали под действие одной электрической волны, внезапно спустившейся из высших слоев атмосферы; страх и трепет распространяются во все стороны от бегущих в беспамятстве людей. Но вдруг возбуждение проходит, в момент наступает затишье и люди по-прежнему толпами бродят бесцельно вперед или, кружась на одном месте, гневно наталкиваются друг на друга. Этот процесс хаотического движения людей продолжается до поздней ночи.

Жители Лабиринта не ощущают нужды в физическом или умственном отдыхе, ибо они не утомляются от дневной работы. Опыт научил владык, что целесообразнее быть умеренными в своих требованиях от трудовой производительности жителей Лабиринта и давать им взамен за простой, непродолжительный и легкий труд все продукты первой необходимости в количестве, превышающем их естественную потребность и качеством и разнообразием никогда не меняющиеся. Требуемые для жизни продукты, следовательно, доставляются жителями Лабиринта всегда в одинаковом и неизменном виде и воспринимаются, поэтому, как природные явления, неизменные и вечные. Признается необходимым, чтобы в Лабиринте всегда было изобилие продуктов, тогда у жителей не возникнет вопрос, откуда происходят эти необходимые для жизни продукты, зная, что они сами их не производят. Недостаточность продуктов, как явление постоянное или спорадическое, вызвала бы в жителях Лабиринта интерес к этим продуктам, т. е. нежелательную психическую заинтересованность, в то время как действительное назначение этих продуктов есть удовлетворение физиологических потребностей живого человека. При ощущении недостатка, в людях зародилась бы мысль о необходимости самостоятельных действий в целях улучшения своего существования, а вместе с этим образовалась бы почва для общих действий и для массового объединения. Такие психологические мотивы в массах чернорабочих не могут зародиться и пройти бесследно; но, раз начавшись, развиваются дальше и ведут к чрезвычайно нежелательным последствиям для Владычества. Великая мудрость владык состоит в их многовековом опыте обра-

щения с большими массами людей, опыт, диктующий им необходимость умеренного обращения с людьми и неуклонного применения предупредительных мер, исключаящих всякую возможность зарождения социально-психологических мотивов в массах жителей Лабиринта. Опыт научил владык не поддаваться чувству раздражения против жителей Лабиринта и не принимать явных мер репрессий против них, ибо это могло бы вызвать чувство подозрения, и жители Лабиринта стали бы искать общего им врага и стали бы думать, что существует какая-то внешняя сила, какая-то другая жизнь, существующая вне их горизонта и чуждая их жизни в Лабиринте.

Владыки, в действительности, имеют целый ряд средств, чтобы удовлетворить свое чувство раздражения против чернорабочих и прибегают к ним часто и охотно. Эти средства прилагаются таким образом, что чернорабочие, жители Лабиринта, хотя чувствуют на себе всю силу ударов, даже не подозревают, что их бьют; они корчатся в болях от нанесенных им невидимой рукой ударов и в своей беспомощности даже не знают, кому жаловаться и кого проклинать. Жестокие страдания наказуемых, их совершенная беспомощность, а, главное, их слепое невежество зверей, дают всемогущим и всезнающим владыкам высшее наслаждение своим сознанием безграничного превосходства и самое утонченное чувство удовлетворенной мести.

На общих основаниях Правильности, территория Лабиринта отведена для исключительного пользования чернорабочих; они здесь предоставлены самим себе; от них требуется, взамен выдаваемых им средств к существованию, только простая, неквалифицированная, природная рабочая сила. Однако, требование труда лишено каких бы то ни было внешних форм; житель Лабиринта сам знает, что ему необходимо принести на фабрику свою живую рабочую силу, которая может реализоваться только на фабрике, а не на улице или в доме. Отдав, таким образом, свою рабочую силу, он получает трудовой знак, который выменивается в определенном месте и в определенное время на необходимые для его существования предметы потре-

ния. Единственное другое применение его природных сил вне фабрики, дающее продукты для поддержания жизни, это грабеж и насилие; по к этому средству прибегает только небольшое меньшинство населения, которое и потребляет находящийся постоянно в Лабиринте излишек продуктов.

Промежуточники, руководящие работами на фабриках и работающие на складах, равно как и те немногие владыки, в руках которых находится высший и непосредственный надзор над всеми работами Лабиринта, прибывают в эту часть района в подземных железных дорогах и останавливаются на станциях, расположенных под зданиями фабрик и складов, где они отправляют свои административные и трудовые функции. Внутри этих зданий происходит вся их деятельность, и они никогда не выходят за двери этих зданий.

Фабрики и склады рассматриваются, как экстерриториальные учреждения, принадлежащие Промежуточной полосе, куда рабочие, жители Лабиринта, допускаются только на время, когда идет процесс труда, чтобы дать, таким образом, возможность жителям реализовать живую рабочую силу, без чего они, лишенные продуктов первой необходимости, погибли бы от голодной смерти по прошествии одной недели, когда бы иссякли все запасы. В очень редких случаях бывает необходимо промежуточникам переступить границы Промежуточной полосы и войти в Лабиринт; напр., в тех случаях, когда следует делать поправки в жилых помещениях или когда признается необходимым прибавить новые этажи к домам. Тем не менее, не проходит и дня, вернее, ночи, чтобы в Лабиринт не приходили, в переодетом виде, промежуточники со специальными назначениями. Во мраке ночи, одетые, как жители Лабиринта, промежуточники, зная в совершенстве язык и нравы чернорабочих, прибывают в Лабиринт через таинственные входы и вскоре на улицах смешиваются с толпой. Они сюда приходят по делам общеполлицейским: они распространяют в населении ложные слухи, цель которых может быть только временного характера, вызванная обстоятельствами момента, или общего социологического свойства, как

напр., поддержать в населении известные привычки, мысли, ориентации или поддержать и развивать нем восприимчивость к слухам и т. д.; они здесь выслеживают нужных им лиц; они знакомятся с настроением масс рабочих. Часто сюда приходят и владыки, обыкновенно в сопровождении двух промежуточников, из которых один знает в лицо своего владыку, а другой в эту тайну не посвящен. Редкий из владык или владычиц не посетил хоть раз в жизни Лабиринта. Это опасное для владыки предприятие, но необходимое для полноты воспитания и для знания своего района. Но чаще всего ходят сюда владыки одни и те же, имеющие здесь специальный интерес. Наблюдение социологических и психологических феноменов привлекает сюда многих ученых владык; иногда чисто административные дела, как напр., проверка донесений промежуточников, делает необходимым прибытие в Лабиринт владыки.

Излюбленным поводом для посещения Лабиринта владыками, во все времена, было желание поискать в массе простонародья красивую молодежь, которая могла бы потом служить целям полового разврата и оргиям жестокости. Понравившиеся владыке какое-либо красивое молодое лицо и свежее тело немедленно отмечалось сопровождающим его промежуточником, и на следующий день это лицо, незаметно для всех, исчезало из пределов Лабиринта. Украденные таким образом лица — жители Лабиринта — пропадали бесследно и безвозвратно; они никогда не возвращались в свои дома. Такие случаи всегда вызывали бурю гнева среди ближайших родственников похищенного лица и панику во всем квартале. Начинались разговоры и споры, которые неизменно заканчивались дракой между ними же, принимавшей по временам жестокий характер и стоившей нескольких человеческих жизней.

Постепенно в некоторых кварталах Лабиринта утвердилось наблюдение, что если на улице показывается группа из трех незнакомых лиц, то вскоре кто-либо из известных в квартале красавиц или красавцев таинственно исчезает. Это наблюдение распространилось с необыкновенной быстротой по всему Лабиринту и сделалось достоянием всего

чернорабочего населения. После этого стало опасно ходить по улицам втроем: если группа из трех лиц попадала в незнакомый им квартал, их принимали за похитителей детей; немедленно целая толпа ожесточенных людей на них набрасывалась и растерзывала на клочки. Среди бесчисленных жертв уличной расправы были также многие владыки, которые заплатили своей жизнью, когда они в плохой момент очутились на виду разъяренной толпы. Начавшееся побоище всегда заканчивалось смертью всех трех чужих; озверевшие люди не давали пощады никому. В случае, если владыка падал первым, промежуточники неизбежно погибали, ибо, не обладая секретом, открывающим выход из Лабиринта, они не могли проникнуть в Промежточную полосу и должны были перейти на положение чернорабочих и остаться жить в Лабиринте. Такая ужасная перспектива деморализовала промежуточников одного вслед за другим; у них отпадала всякая энергия защищаться, и они бессильно отдавались на растерзание. Владыки и промежуточники, отправляясь в Лабиринт, никогда не брали с собой оружия; признавалось, что в случае нападения необходимо употребить все усилия на то, чтобы спастись бегством. Сознание возможности пользоваться оружием дало бы повод к тому, чтобы действительно им защищаться против нападающих. Жители Лабиринта, которые никогда не видали оружия и даже не подозревали его существования, не могут быть им уstraшены до того, чтобы обратиться в бегство; употребление оружия не в состоянии бы было остановить атакующих; напротив, оно бы их еще больше возбуждало, увеличило бы их число и своим врагам уже пощады бы не давали. В критический момент владыка должен уметь ясно мыслить и сохранять присутствие духа, он должен прежде всего думать о своем собственном спасении, он должен с этой целью управлять действиями промежуточников. Искусный удар, ловкое движение, пущенный вовремя соответствующий клич могут иногда внести замешательство среди атакующих, и психологический момент выигран; свалка делается общей; чернорабочие сбиты с толку, не узнают своих врагов и с ожесточением дерутся меж-

ду собой. Владыка должен стараться во время нападения отвлечь атакующих от места, где он был впервые узан и, отступая, тянуть за собой толпу в ту сторону улицы, где толпа гуще, а свет от фонарей слабее. Такими уловками не раз удавалось владыке спасти свою жизнь и жизнь своих промежуточников. В крайнем случае, владыка должен покинуть на произвол судьбы своих подчиненных спутников, а сам, ныряя в беспорядочной массе человеческих тел, вырваться вон из толпы и быстрым шагом направиться к выходу из Лабиринта.

Как уже было упомянуто выше, владычеству нежелательно, чтобы население чернорабочих имело возможность высказывать свою преданность, любовь, лесть или даже страх перед своими господами. Право выражать такие раболепные чувства принадлежит исключительно жителям Промежуточной полосы. Владычеству, однако, приятно сознание, что многомиллионные массы людей, живущих в Лабиринте, в такой непосредственной близости от Возвышенного центра, так обособлены и так безнадежно беспомощны, что не знают и даже не подозревают о существовании владык, хотя и чувствуют на себе их непомерное давление и чудовищную силу их тисков.

Но жители Лабиринта мало-помалу узнали о существовании владык. Были случаи, когда ослабевшие духом промежуточники, или слишком преданные своим владыкам или, наоборот, обозленные против них, желая защищать владыку или отомстить ему, во время нападения чернорабочих, в минуту отчаяния и страха перед неизбежной смертью, громко называли владыку по имени или выражали в отношении его чувства, которые поражали жителей Лабиринта своей неестественностью. Непосредственный инстинкт жителей Лабиринта, их природная жадность ко всякому знанию, ко всякому новому явлению не замедлили подхватить новые, неслыханные слова, новые и странные для них отношения человека к человеку. Два слова: «Владыка» и «подобострастие» с необычайной силой запечатлелись в их уме. Эти два слова толковались на все лады и вмиг облетели весь Лабиринт. Две общие мысли твердо укорени-

лись в умах жителей Лабиринта: одна, что посещение квартала владыкой имеет результатом похищение какой-нибудь девочки или мальчика; другая, что убийство владыки, не в пример прочим убийствам, происходящим ежедневно на улицах Лабиринта, всегда сопровождается двухдневным голодом. Если в течение недели произошло нападение на владыку и его людей и владыка был убит, то склады всех ближайших кварталов не открывались в обычное время для выдачи продуктов населению, но всегда запаздывали на два дня.

Владычество, по-видимому, не могло устоять против желания прямой и немедленной мести. Непреоборимая жажда мести свидетельствует о чрезмерно накопившемся чувстве раздражения против жителей Лабиринта; она свидетельствует о том, что чувства вражды и озлобления, которые в течение веков высокомерно игнорировались и подавлялись, вдруг всплыли наружу; она свидетельствует о том, что всемогущие владыки, привычные к власти, ослабели и потеряли перевес влияния в районе. Как это ни странно, хотя население Лабиринта и не знало о том, что существует Владычество, оно немедленно почувствовало силу в момент, когда Владычество стало слабеть. По неизвестным причинам, в Возвышенном центре стали расти потребности в человеческих жертвах, и все необузданнее становилась жажда наслаждений. Владыки неограниченны в своих правах и исполнение их желаний есть закон, обязательный для всех жителей Промежуточной полосы. Вместе с этим стали безмерно учащаться экспедиции в Лабиринт с целью хищения детей или же взрослых девушек и мальчиков, отличавшихся своей физической красотой или талантами. Владыки, дерзнувшие в Лабиринт, часто не возвращались оттуда. В Осведомительное Бюро получались донесения агентов о новом и необычайном настроении в Лабиринте. Утверждалось, что среди чернорабочих создавалась особая атмосфера подозрительности и что всякий человек, неизвестный в каком-либо квартале, рисковал своей жизнью, как чужой и злонамеренный пришелец. Требовалось обладание в совершенстве тем неуловимым, но действующим, как ес-

тественный закон, психическим общением со всей толпой и совершенно правильным контактом с каждым человеком в отдельности. Советовалось владыкам быть настороже, когда они отправлялись в Лабиринт, и быть осмотрительными при выборе себе промежуточников в провожатые; эти люди должны быть хорошо знакомы с Лабиринтом и должны уметь всецело проникнуться психическими вибрациями, господствующими в массах чернорабочих. Довольно одного неосторожного слова, странного взгляда или необычного жеста, чтобы нарушить психический эквilibр и обратить на себя внимание толпы; моментально может вспыхнуть гневная стихия, которая быстро разрастается и <которую> уже ничто не может остановить. Чернорабочие не привязаны к жизни, они привыкли погибать на улицах в свирепых схватках между собой по самому ничтожному поводу, они как будто находят радость и оживление в борьбе, и, как дикие, они бросаются в побоище и взаимное уничтожение. Агенты-промежуточники и специалисты по массовой психологии, изучавшие на месте новые формации чернорабочей психики, сходились во мнениях и утверждали, что в Лабиринте происходит нечто новое, неожиданно появившееся, непонятное им и неизведанное в течение многих веков. На почве общего раздражения происходит постоянно возрастающее возбужденное состояние отдельных лиц, отличающихся большей чувствительностью и восприимчивостью и, благодаря необычайной способности сообщаться через посредство каких-то странных влияний, переходит вмиг с одной головы на другую; это возбужденное состояние распространяется на все головы, как быстро надвигающаяся гроза, и охватывает одним бушующим чувством все многомиллионное население Лабиринта.

Предостережения владыкам, провозглашенные Осведомительным Бюро, имели только обратное действие. Возникающее нечто новое имело притягательную силу для многих молодых владык. Не только мужчины, но и женщины-владычицы с наступлением ночи бросали свои обычные развлечения и, переодетые, как чернорабочие, в сопровож-

дении промежуточников, отправлялись в Лабиринт в поисках новых впечатлений и переживаний. Владыки и владычицы, попадавшие в кипучую атмосферу безумных и страстных волн движений многомиллионных масс, сами невольно заражались их страстностью и неудержностью и бесстрашием перед лицом смерти; их собственные, глубоко в их природе заложенные и задавленные веками культуры инстинкты разнуздывались и с бешеным трепетом выступали наружу. Когда они возвращались в Возвышенный центр, они еще долго, под влиянием пережитого в Лабиринте, волновались и бесновались, волновали и пугали других владык. Потеря самообладания доходила до того, что некоторые владыки и владычицы самолично и собственноручно тащили за собой из Лабиринта молодых, понравившихся им человеческих особей и, по прибытии в свои замки, немедленно предавались неистовому половому разврату со своими жертвами, упиваясь в оргиях жестокости и насилия, а потом надругательства над их телами.

Неясное вначале и неопределенное всеобщее возбуждение в Лабиринте вскоре осмыслилось и сразу выкристаллизовалось, как смертельная ненависть против нарушающих атмосферу самобытного психического общения людей владык, вторжениям которых, к тому же, единодушно приписывали еженощные исчезновения их детей, братьев и сестер. Слово «владыка» стало символом кровавой мести и не сходило с уст разгневанных людей. Среди жителей Лабиринта стали выделяться люди, которые чутьем умели отгадывать присутствие владык поблизости; образовались группы людей, которые поставили себе задачей выслеживать владык на улицах Лабиринта и немедленно их истреблять, когда они были открыты. Наказание двухдневным голодом неизбежно следовало за каждым убийством владыки, и это наказание касалось всех, без исключения, жителей близлежащих кварталов. Частые голодовки вызывали беспокорство в умах людей и рождали чувство неуверенности в завтрашнем дне. Те из людей, которые к убийствам не были причастны, приходили в крайнее недоумение при виде закрытых окошек склада в день выдачи продуктов; они

стояли вокруг склада, глядели на глухо затворенные решетчатые окна и испытывали суеверный страх, как перед естественным явлением, страшным и угрожающим их жизни. Население Лабиринта, не знающее ни законов, ни властителей, не имело чувства ответственности, но и не признавало своего бессилия; оно было крайне порывисто в своих стремлениях и, под влиянием первого импульса, подобно детям, бросалось в действие. Убийства владык происходили все чаще и чаще, и, наконец, в одну ночь число убитых владык было так велико, что только очень немногие из них смогли возвратиться в свои замки, да эти не только не принесли с собою добычи, но, спасая свою жизнь, сами еле выбрались из Лабиринта. Перед Владычеством неожиданно встал грозный вопрос: необходимо было, во что бы то ни стало, привести к порядку жителей Лабиринта; но необходимо и примерно их наказать. Владыки не могли не думать о наказании, потому что наказание чернорабочих практиковалось ими уже некоторое время и уже вошло у них в привычку; это было так легко сделать. Кроме того, озлобление владык достигло крайних пределов, и месть была необходима. Положение обострилось еще тем, что увеселительные прогулки в Лабиринт, которые хоть сколько-нибудь уменьшали интенсивность чувства, теперь стали совершенно невозможными ввиду несомненной опасности для жизни, с которой этот шаг был сопряжен. Владыки признали, что такое положение есть посягательство на их права и прерогативы и не может быть терпимо. Возвышенный центр весь заволновался; чувство обиды было глубоко и задевало сердце каждого владыки. Все требовали немедленного приложения крайних мер наказания. Высокое Собрание Верховных Владык могло только выразить общее желание всего Владычества и постановило нанести Лабиринту наказание, которое по своим размерам превосходило все до сих пор известное в истории этого государства, как мера репрессии или притеснения народных масс. Постановлено было прекратить выдачу продуктов всему населению Лабиринта. Голод стал распространяться среди жителей, и через два дня во всем Лабиринте невозможно было найти ничего съест-

ного. Но и через два дня выдача продуктов не производилась. Изнуренные голодом рабочие не могли работать на фабриках. Измученные они ходили по улицам, пока ноги носили, и падали в изнеможении. Они не рыскали по Лабиринту в надежде найти хлеб; Лабиринт есть бесплодная пустыня. Жители Лабиринта знают, где добываются пищевые продукты и где они хранятся. Целыми днями они стояли толпами вокруг складов в ожидании, что, может быть, в следующий момент наступит чудо, откроется окно и пища появится. Они кричали, требовали, умоляли, как бы обращаясь к кому-нибудь, хоть бы к смертельным своим врагам, к владыкам, об утолении мучительных терзаний голода. Обессиленные, многие падали с ног и оставались лежать на улице. Вскоре все улицы были устланы людьми, лежащими в последних муках приближающейся голодной смерти.

Прошло семь дней, и на восьмой день склады открылись. В обычный час за решетками открылись окошки, появились люди и стали выдавать продукты. В складах совершалась обычная работа, как будто ничего не случилось. О происшедшем ничего не упоминалось; только трудовые свидетельства не требовались взамен продуктов; пища раздавалась как бы даром населению. Все было забыто: одна неделя времени была забыта; эта неделя не была помещена в календаре, а поэтому была пропущена в действительной жизни. Но уж очень немногие из жителей Лабиринта могли воспользоваться даровой пищей. Все улицы были завалены трупами замученных голодной смертью людей, Мертвые тела разлагались и распространяли в воздухе ужасающую вонь. Жители, оставшиеся в живых и оправившиеся от голода, теперь были принуждены усиленно работать: приходилось исполнять обычную работу на фабрике днем, а ночью было необходимо убирать трупы с улиц и относить их в крематориум.

Ужасные события, разыгравшиеся в течение этой недели, казавшейся жителям Лабиринта нескончаемой и вечной, воспринимались ими, как жестокое наказание, ниспосланное на них владыками из чувства мести. Жители Лабирин-

та чувствовали, что некая внешняя и всемогущая воля их унизила, задавила и уничтожила. Многосложные сцены человеческих мучений, вытекающие все из одной, общей причины, живо стояли перед глазами и имели потрясающее действие. Они сознавали, что это есть жестокая месть владык. Они вспоминали, что в последние дни голодовки, когда они, обессиленные, валялись на улицах рядом с мертвецами и с отчаянием ждали своей участи, какие-то люди мощного телосложения, со злобными и издевательскими лицами, прогуливались по улицам Лабиринта и, пользуясь невиданными доселе острыми орудиями, убивали тех из людей, которые встречались им по пути и тех, которые с мольбой в глазах простирали к ним руки, прося о помощи и избавлении от нестерпимых мук. Смирение и подавленность господствовали в домах и на улицах Лабиринта.

Горечь от потери многих близких людей, усиленный труд, необычайная вонь от разлагающихся трупов, все это принималось населением, как неизбежное и должное. Давно не изведенное чувство печали всплыло на поверхность и тронуло сердца людей, и они, как братья, заговорили друг с другом; тогда, внезапно, как бы из бездонных глубин человеческих сердец, раздался вопль великого горя, трепетный вопль всех униженных и наказанных. Общее горе и взаимное сострадание сблизило людей между собой и дало им нравственную опору, без которой жизнь была бы невыносимой.

Число людей, умерших от голода во время голодной недели и в последующие дни, было необычайно велико. Места на фабриках остались незанятыми, и невозможно стало выполнять всю работу, требуемую для района. Необходимо было заполнять пробелы, образовавшиеся в армии труда, новой рабочей силой, новым человеческим материалом. На многих фабриках, где точная кооперация множества рабочих необходима для правильного процесса труда, всякая производительная деятельность должна была прекратиться. Во избежание экономической катастрофы, Верховные Владыки приняли грандиозный план, единственный, который <был> в состоянии спасти положение, но и невы-

валый но своим размерам и радикальности в истории этого государства. Они решили перевести в Лабиринт часть населения Промежуточной полосы. Привыкшие к повиновению промежуточники не оказали никакого сопротивления, тем более что перед отправкой их в Лабиринт владыки торжественно заявили, что ввиду чрезвычайных обстоятельств и серьезного экономического кризиса, теперь пришло время, когда промежуточники своей самоотверженной работой могут помочь государству и родине и, проявляя свою зрелость и достоинство правильных людей, докажут на деле свою преданность Возвышенному центру; им было дано торжественное обещание, что деятельность их в Лабиринте будет только кратковременной и ничем не будет отличаться от их обычных функций в Промежуточной полосе. Партией за партией промежуточники вывозились из полосы в Лабиринт, где они покидались на произвол судьбы; предоставленные самим себе, они поневоле переходили на положение жителей Лабиринта или чернорабочих; обратно в Промежуточную полосу их не перевозили.

Тогда промежуточники поняли, что они были обмануты и что владыки не поступили с ними согласно принципам Правильности, но из Лабиринта не было никакого выхода, и им ничего не оставалось делать, как мириться с положением и вступить в сношения с окружающими жителями, с чернорабочим населением.

Вскоре после этого, столько же партий женщин было собрано в Промежуточной полосе и, под предлогом, что их приглашают в Возвышенный центр, их поместили в подземные железные дороги и отправили в Лабиринт. Владыки сознавали, что процесс производства не может ни остановиться, ни замедлиться и что образовавшиеся пустые места среди фабричных рабочих необходимо, по возможности, скорее заполнить свежим человеческим материалом. Они сознавали, что для упорядочения жизни в Лабиринте прежде всего важно, чтобы каждый работающий мужчина имел свою женщину для сожителства с нею.

Уже с давнего времени в среде Владычества высказывалось мнение, что жители Промежуточной полосы разви-

ваются в дурную сторону, что случаи уклонения от строгой Правильности умножаются и имеют весьма злокачественный характер; требовалось приложить радикальных мер с целью очищения Промежуточной полосы от нежелательных элементов и, как наиболее эффективное средство, предлагалось не наказывать людей за нарушение Правильности, а совершенно изымать из среды живых людей, предавая их смерти. Общественные формы, сопровождавшие всякий случай казни жителя Промежуточной полосы, слишком сложны и требовали много времени и делали невозможным истребление живых людей в широком масштабе. Нежелательные элементы не переводились, но даже, может быть, еще более распространялись среди населения Промежуточной полосы. Чрезвычайные меры, испробованные в Лабиринте и давшие такие грандиозные результаты, пришлись как раз впору тем из владык, которые поставили себе задачей очищение Промежуточной полосы от излишка людей и от нежелательных элементов. Их задача теперь состояла в том, чтобы перевести неудовлетворительных промежуточников на положение чернорабочих, а это достигалось уже одним фактом их переселения в Лабиринт. Дело вначале казалось простым и легким, но потом появились трудности, превосходившие наличные силы взявшихся за эту работу владык. Трудности вытекали из огромного множества пустых мест, образовавшихся в Лабиринте и подлежащих заполнению, и невозможности, в достаточно скорое время, производства правильного отбора людей, заслуживающих исключения из Промежуточной полосы. Применение специального метода для отбора низших элементов расы в больших количествах оказалось невозможным вследствие оппозиции значительного числа владык, утверждавших, что система отбора наихудших элементов населения для отправки в Лабиринт должна строго соотносываться с требованиями социально-психологической науки и что во всех случаях, даже в самых крайних, Владычество не может в своей деятельности отступить от рутины, раз навсегда установленной, без риска нарушения Правильности. В результате такой поспешной работы получилось, что среди

высланных в Лабиринт промежуточников находились люди, обладавшие значительными природными дарованиями, опытные в науках и администрации и занимавшие высокие посты в бюрократической машине района. Были и такие, которые были признаны экспертами как нежелательные ввиду их плохого рекорда, на котором значилось, что эти промежуточники уже в прошлом были наказаны за нарушение Правильности и числились неблагонадежными. Эксперты, усталые в спешной работе, упустили из виду то, что если эти люди неблагонадежны в Полосе, то они еще менее надежны в Лабиринте. Наконец, среди высланных оказались и такие промежуточники, которые знали владык в лицо, а эти принимали деятельное участие в высших функциях администрации, пользовались доверием владык и, кроме специальных талантов, обладали большой умственной энергией и широкими познаниями. Верховные владыки, обсуждая судьбу последних, разделились мнениями: одни утверждали, что такие способные люди не должны пропадать в Лабиринте и что непризнание их полезной службы идет вразрез с принципами Правильности; с другой стороны, доказывалось, что, согласно принципам Правильности, не допускалось, чтобы лицо, раз высланное по решению владыки в Лабиринт, могло бы быть возвращено в полосу, ибо этим бы нарушились два принципа Правильности: во-первых, признавалось бы, что владыка может совершить, по отношению к промежуточнику, неправильный акт, а во-вторых, образовался бы прецедент помилования, действия, немислимого в эпоху Правильности. Согласно основному принципу Правильности, не считалось возможным, чтобы благоденствие Владычества стояло в зависимости, даже в самой малой степени, от какого бы то ни было отдельного лица.

На самом деле, число людей, которое стало необходимо выслать в короткое время из Промежуточной полосы, было так велико, что само представление об элементе нежелательном, низшем изменилось и перестало быть реальным; среди многомиллионной массы людей, высланной в Лабиринт, не могло не быть выдающихся индивидуумов. Вскоре получилось донесение, что некоторые из выслан-

ных промежуточников, знавших в лицо владык, когда они были разысканы, отказались возвратиться в Промежуточную полосу и заявили, что они предпочитают остаться в Лабиринте. Владыки не имели средств заставить то или другое лицо из Лабиринта подчиниться их воле; они, в своих отношениях с Лабиринтом, не признавали отдельных жителей, но, имея в своих руках власть жизни и смерти над всем населением, они принуждали их массами к труду и, в течение веков, эти отношения не изменились и казались удовлетворительными с точки зрения трудовой повинности. Несомненно, что выдающиеся промежуточники, попав в Лабиринт, почувствовали, что здесь им будет вольнее жить, нежели в полосе. Владыки это поняли, но поздно; они послали людей в Лабиринт, чтобы их разыскать и уговорить возвратиться в полосу и, в случае их отказа, взять их силой, живыми или мертвыми, но уже в многомиллионной массе населения Лабиринта невозможно было отличить промежуточников от чернорабочих.

Промежуточники в Лабиринте, под руководством своих более способных представителей, организовались и быстро выделили из своей собственной среды новый, привилегированный класс людей, не занимавшихся ручным трудом, но обязанность которого состояла в том, чтобы бдить за интересами всей массы населения.

Все выдающиеся промежуточники были включены в привилегированный класс и приняли общее название лидеров. С этих пор ни один владыка, ни даже агенты расследования не могли проникнуть в Лабиринт: они немедленно узнавались и предавались казни.

Коренные жители Лабиринта, подавленные своим горем, вначале почти не реагировали, когда среди них появилось великое множество новых людей, так резко отличавшихся от них и особенностями языка и всем своим душевным укладом; но потом, узнав от них то многое, которое им главным образом нужно было знать, они почувствовали страстное влечение к ним и с жадностью внимали каждому их слову; сердца их зашевелились необыкновенной чуткостью к новому знанию; они были как бы ослеплены внезапной си-

лой света, проникшего в их веками омраченные души. Они просветлели душевно и стали покорны, как дети, и безгранично преданы своим старшим и более опытным братьям. Промежуточники, попавшие в Лабиринт, сами электризовались тем могучим настроением вольности, которая здесь чувствовалась в каждом дыхании человека и в каждом его движении. Они сразу почувствовали себя свободными от тысячи угнетавших их психику законов и правил благоразумия, порядка, здоровья и подобострастия, одним словом, всех тех страшных для них принципов Правильности, которые теперь представлялись им в виде тяжелого кошмара, который всеми силами хотят забыть. Вместе с другими жителями они предавались беспечным празднествам и даже диким радостям и оргиям.

Необязанные к ручному труду лидеры хорошо знали вольную жизнь Лабиринта, они здесь не раз бывали раньше, когда они сопровождали владык в их ночных похождениях или когда они посылались со специальными инструкциями из Возвышенного центра; они сознавали, что Лабиринт находится в абсолютной зависимости от каприза или благоволения Владычества и поэтому они-то не могли предаваться беспечным радостям; они были озабочены настойчивой мыслью о необходимости, во что бы то ни стало, найти или создать выход из Лабиринта и открыть для всех сообщение по всему району. После тщательного изучения Лабиринта, направления его улиц и строения домов, лидеры наткнулись на один квартал, который показался им странным и загадочным; их поразило устройство одного ряда домов, которым этот квартал резко отличался от всех других кварталов. Лидеры порешили, что в этом месте кроется загадка их изолированности. Когда они захотели проникнуть в некоторые наиболее странные расположения этого квартала, они встретили неожиданное сопротивление со стороны жителей домов, живших здесь, почему-то, без жен и детей. Лидеры сразу сообразили, что они натолкнулись на военную стражу, стоявшую здесь для защиты входа в Промежуточную полосу. Стража была усиленно вооружена, очевидно, наготове к военным действиям.

Вся остальная наружная часть квартала имела обыкновенный вид; квартиры, по-видимому, ничем не отличались от других квартир Лабиринта; странным показалось только то, что жители здесь все бессемейные; мужчины и женщины все молодые и не состоят в браке между собой. Лидеры вывели из квартала некоторых из его обитателей, стали их допрашивать и, при помощи угроз, добились от них признания, что, кроме вооруженной стражи, все остальные жители этого квартала находятся на службе разведочного бюро.

Весть о нахождении загадочного квартала и о его странных обитателях разнеслась по всему Лабиринту, и, как молния, поразила своей неожиданностью всех людей. Толпы стали собираться вокруг загадочного квартала. Попытавшиеся проникнуть дальше известной черты неизбежно наталкивались на весьма живое сопротивление со стороны людей, казавшихся им непонятными как своим отношением, так и своим внешним видом; жители Лабиринта впервые встретились лицом к лицу с вооруженным врагом. Те из жителей Лабиринта, которые стояли впереди других, вступили в бой с вооруженным врагом и поплатились жизнью за свою смелость и невежество. Любопытство и раздражение росло с каждым часом. Квартал осаждался со всех сторон и все новыми и новыми толпами людей. Стоявшие у передовых позиций боролись с врагом и падали, пораженные насмерть или, изнеможенные, уходили, и другие люди, жадные к действию, занимали их места. Уходившие сообщали свой опыт новоприбывающим.

Под руководством лидеров толпа набросилась на несколько фабрик, на которых производились железные ломы; забрали все имевшиеся налицо железные инструменты; потом ворвались в склады и захватили все уже запакованные и готовые к отправке в земледельческий район топоры, вилы и лопаты и другие тяжелые железные части орудий, которые находились под руками. Лидеры тогда повели вооруженную толпу в атаку загадочного квартала. Со всех сторон началась ломка дверей и окон, и вскоре военная стража увидела себя окруженной бушующей массой людей, во-

оруженных железом, бесстрашных и жаждущих вступить в бой с врагом. Стража не устояла и начала отступать; она направилась к потаенным выходам, надеясь проникнуть в подземные железнодорожные станции, ведущие в Промежуточную полосу и, таким образом, спастись от верной смерти. Но путь к отступлению им был загорожен: железные двери были затворены и выход на станцию железной дороги оказался невозможным. Тогда стража сдалась лидерам и перешла на сторону жителей Лабиринта. Загадочный квартал был взят. Лидеры стали исследовать его во всех местах, казавшихся им подозрительными; железными ломками осаждали стены; наконец, удалось прорубить в одной стене широкое отверстие и, когда они выглянули в него, то они, к своей великой радости, увидели перед собой свою родную Промежуточную полосу.

Возмущение и негодование было велико среди жителей Промежуточной полосы, когда они убедились, что миллионы их детей, братьев и сестер обманчивым образом были выведены из их домов и отправлены в Лабиринт на вечное тление и рабский труд. Но велик был страх перед наказанием. Никто не смел заявить вслух о своем негодовании или о своем горе. Тяжкое телесное наказание неминуемо следовало за таким проявлением слабости. Все же, ясное сознание, что произошло нарушение Правильности со стороны самых владык-законодателей, вместе с чувством горькой обиды и острой боли по потере близких людей, не могли не вызвать среди оставшихся жителей полосы некоторого волнения и чувства подавленности, а, по временам, и безумного порыва к мести. Были многочисленные случаи самоубийств. Чтобы успокоить умы, Владычество опубликовало воззвание, которое называлось: «Обращение к разуму». В этом воззвании сообщалось населению Промежуточной полосы, что пребывание их братьев в Лабиринте только временное, как это им и было заявлено перед отъездом, но, против ожидания, более продолжительное, нежели это казалось вначале; вследствие этого необходимо стало послать туда и женщин. Опровергалось распространяемое злонамеренными людьми мнение, будто женщины были обману-

ты, что вместо того, чтобы их принять в Возвышенный центр, их тайком отправили в Лабиринт. На самом деле они были приглашены и доставлены в Возвышенный центр, где им был сделан медицинский осмотр, а потом они были отправлены по назначению. Рекомендовалось также не верить слухам и не распространять их, под страхом жестоких телесных наказаний. Взывалось, наконец, к чувству порядочности и гражданственности и к нравственной обязательности принципов Правильности, без которых ни одно государство не может существовать. В заключение, давалось объяснение, что необычайная мера посылки такого множества людей в Лабиринт была вызвана необходимостью привести к порядку, к труду и повиновению население, которое, вдруг и без всяких причин, отказалось исполнять свой долг перед государством и, этим самым, угрожало жизни всех людей и каждого в отдельности. Чтение этого воззвания было обязательно для каждого взрослого человека и, если обнаруживалось в случайной беседе с агентом контроля, незнание с содержанием воззвания, то уличенное лицо подвергалось положенному законом телесному наказанию за презрительное отношение к действиям Владычества.

Между тем, загадочный квартал был разрушен во многих местах, и широкие бреши образовались в стене, отделявшей Лабиринт от Промежуточной полосы. Толпа, смешанная из промежуточников и жителей Лабиринта, хлынула в Промежуточную полосу. Промежуточники, по большей части, отправились по своим домам, а жители Лабиринта, в огромных массах, распространились по всем улицам Промежуточной полосы. Вскоре не было ни одного уголка в этой части района, который бы не был занят пришельцами из Лабиринта. Опьяненные невиданным зрелищем и новым пространством, они, подобно бурному весеннему потоку, разбивали на своем пути все препятствия и с шумом разливались по всей поверхности вновь завоеванной земли и искали все новых и новых выходов.

Несмотря на стихийность движения и неудержимость порывов, лидеры без труда могли собрать толпы послушных

людей и, во всякое время, готовых на смертный бой. Лидеры были известны каждому и боготворимы всеми. Первой их мерой было организовать войско и захватить в свои руки огромные запасы съестных продуктов, которые были заготовлены для постепенного распределения среди жителей. Все запасы хранились в Промежуточной полосе. Промежуточники, занимавшие второстепенные должности в администрации военного аппарата района, немедленно покинули свои посты и присоединились к массам. Вместе с наскоро образовавшимся народным войском, они захватили в свои руки все военные арсеналы, а потом стали обучать жителей военному делу и раздавать им оружие.

Склады съестных припасов для населения Промежуточной полосы и Лабиринта находились в одном месте и занимали большое пространство; они были заняты лидерами без особых усилий. Неподалеку от них были склады продовольствия для снабжения Возвышенного центра; эти представляли собой огромные здания из камня и железа, окопанные широким рвом, и защищались значительным отрядом военных сил. Для занятия этих складов лидерам пришлось пустить в дело новосформированное народное войско и только после продолжительной осады им удалось проникнуть в эти крепости. Как велико было удивление жителей Лабиринта, когда они увидели перед собой огромное разнообразие пищевых продуктов, которые здесь были припасены для Владычества! Вместо обычных, правильных и всегда одинаковых бумажных коробок, в которых хранилась вся выдаваемая им пища, они здесь увидели необычайное разнообразие посуды, наполненной продуктами; тут были и металлические, и стеклянные, и кожаные, и деревянные, и бумажные приспособления всяких форм и размеров; и чего только в них не было! У зрителей глаза разбежались от страха и удивления при виде такого изобилия разных съестных продуктов, существование которых им было неизвестно и даже во сне не представлялось. Но что их повергло в ужас и крайнее оцепенение, это вид живых птиц и животных. Один из лидеров открыл клетку, в которой находились молодые цыплята. Когда испуганные

птицы выбежали из клеток <i> стали, беспокойно размахивая головками, пищать, суетиться и перелетать с одной клетки на другую, то многие из жителей Лабиринта от суеверного страха лишились чувств; другие, охваченные паническим ужасом, пустились бежать вон из склада. Иные из жителей приходили в умиление при виде такого огромного разнообразия готовых съестных припасов, прекрасных фруктов, чудесных птиц и животных: в них заколыхались какие-то неясные чаяния, и из неведомых глубин и тайников души встали какие-то смутные, но и страстные воспоминания.

После краткой инструкции о том, как следует пользоваться новыми продуктами, лидеры, в обычном порядке, производили выдачу всем лицам, участвовавшим в захвате складов. Наиболее любопытные из жителей не могли оторвать глаз от ряда стеклянной посуды, расположенной на ближайшей полке и привлекавшей внимание яркостью красок. Лидеры заметили это, распорядились снять бутылки с полок, раскупорили их, сами попробовали и людям дали пить. Живительная и возбуждающая влага выпивалась с жадностью и вызывала удивление в людях. Как согревающий пар, она распространялась по всему телу, отуманивала и разгорячала мозг. Тысячи непонятных и неведомых им мыслей и чувств закопошились в уме; что-то страстное, давно не испытанное, но свое, неотъемлемое и родное, с мощной силой задвигалось в груди этих одичалых людей. Тогда они заговорили совершенно новыми словами, еще неясными и неожиданными для них самих; могучим порывом затрепетало человеческое сердце; в продолжение веков безжизненное и казавшееся умершим, сердце человеческое вдруг пробудилось страстным и юношеским стремлением к новой жизни; прозвучала песня радости, песня ликующей души; то вдруг тоскливо раздавалась песнь о вольности, давно потерянной, о многовековом гнете и унижении; но сильнее всех раздавалась песнь о мщении, о новой вольности и о достоинстве человека, его природных правах, вечных, неотчуждаемых и неизменных. Новые слова, новые мысли, знание, как вихрь проносились среди насе-

ления, будя живую силу в людях и призывая к действию. Все чувствовали и знали, что необыкновенное происходит, и что оно должно произойти. Те, кому надлежало, знали, какие следует издавать приказы, и все люди повиновались.

Завладев всеми наготовленными припасами, лидеры издали приказ задержать всех владык, которые еще не успели проникнуть в Возвышенный центр и застряли в Промежуточной полосе. Было необходимо приобрести знание, касающееся управления государством, а оно было достоянием Владычества и держалось ими в тайне. При помощи строжайшего допроса задержанных владык удалось получить сведения о средствах сообщений, которыми располагает Возвышенный центр, об устройстве его укрепленных мест, о местоположении архивов и специальных библиотек; также были взяты списки имен всех Верховных владык и главных отраслей их деятельности.

Между тем, народное войско стало многочисленным и хорошо вооруженным. Лидеры, опираясь на войско, почувствовали, что их власть прочна, что их власть есть народо-властие, и потому провозгласили во всеобщее знание принцип Вольности, как высшее благо; они начертали на всех знаменах, так чтобы все люди могли видеть, новый лозунг: «Вольность, Творчество, Свобода». Владыки были объявлены вне защиты закона и всякому человеку стало ясным, что Владычеству наступил конец и что это должно быть достигнуто при помощи истребления единичных владык всякий раз, когда они будут обнаружены. В официальных бумагах владыки назывались душегубами, так как они губили душу человеческую, препятствуя ей, в течение веков, расти и развиваться сообразно с своими природными законами.

Началось окружение и осада Возвышенного центра. Владыки не сопротивлялись; они знали, что когда все их военные секреты известны лидерам, крепости не представляют больше надежной защиты; они также не думали, чтобы небольшой гарнизон солдат, стоявший в Возвышенном центре и продолжавший быть верным Владычеству, мог бы оказать хоть какое-либо противодействие стихийному и все-

разрушающему наступлению многомиллионных масс людей. Они покинули район; они наскоро собрали все драгоценности, которые можно было без труда везти с собой, и все, что необходимо для путешествия и, при помощи своих многочисленных слуг и под защитой гарнизонных войск, переселились в соседний район.

Лидеры и многомиллионная масса остались полными хозяевами и властителями района. Враг был сломлен и уничтожен.

Вольность опьяняла людей; радость укрепляла и подымала их силы; стало необходимо жить. Мошь духа, состоявшая в безумном стремлении к смерти, перестала быть реальной. Радость жизни и необходимость жизни встала перед людьми, как новая и трудная задача. Лидеры изучали по книгам в канцеляриях и архивах схемы производства и обмена продуктов, составляющих материальное благо всего района, и нашли, что район не имеет своего сырого материала, а производит продукты для пользования в других районах из чужого материала и получает в обмен все продукты, необходимые для его собственного потребления, из других соседних и дальних районов. Они поняли, что независимость, которой они добивались, когда они начали искать выхода из Лабиринта, ими все еще не достигнута. Весь район был так же бесплоден, как Лабиринт. Имеющиеся пищевые запасы будут съедены, а потом всеобщий голод неизбежно должен наступить. Лидеры предвидели положение, которое, несмотря на прекрасный лозунг «Вольность, Творчество, Свобода», может стать бесконечно хуже, нежели положение абсолютной зависимости прежнего рабского существования в Лабиринте. Жить стало необходимо, ибо уже прошло безумное стремление к смерти. Опьянение вольностью и радость победы уничтожили бестрашие перед смертью. Зародилось желание жить. Лидеры ужасались при мысли, что может наступить время, когда они, ради хлеба, будут вынуждены на коленях простираться перед владыками и молить их о пощаде и помиловании. Район со всем его многомиллионным населением не имеет пищи; пища добывается в другом районе; поэтому

необходимо, как сама жизнь, чтобы другой район, именно, земледельческий район, присоединился к ним.

Добровольное присоединение или насильственное завоевание земледельческого района признавалось лидерами первой и немедленной задачей их деятельности. Решение вопроса диктовалось лидерам самой жизнью, и энергичные приготовления к завоеванию соседнего района были немедленно начаты.

Чрезвычайные события, развернувшиеся со скоростью урагана и низведшие силу и влияние владык внутри района к нулю, вызвали тревогу и панику в Возвышенных центрах всех остальных районов Северо-Американского государства. Естественно, что сведения не могли выйти из пределов Возвышенных центров, и владыки не могли опасаться, чтобы катастрофа, происшедшая в одном районе, могла иметь отзвук на всю страну и вызвать подражание среди низших элементов населения других районов. Тем не менее, страх был велик среди Владычества; они стали сомневаться в надежности донесений разведочного бюро; им казалось, что агенты расследования неспособны в достаточной мере узнавать все факты, происходящие в колебаниях ежедневной жизни низших элементов населения, и что они не в состоянии оценить с желаемой точностью все изменения и скрытые мотивы в настроении людских масс. Были и другие вопросы, которые не давали покоя Владычеству. На съезде верховных владык всех районов обсуждалась судьба разгромленного района и положение, создавшееся для всего государства. Признавалось угрожающим присутствие на территории бывшего района и примыкающего к их границам многомиллионной массы человеческих существ, которые повергли в прах принцип Правильности и провозгласили принцип Вольности. Доказывалось, что воинственное настроение многомиллионной черни, не щадящей своей жизни, должно найти себе выход в действиях насилия и разрушения и что, как только запасы выйдут и голод начнет давать себя чувствовать, вся эта дикая орда перейдет в движение и истребит все и всех на своем пути. Предвиделось, что первой жертвой их наступления будет бли-

жайший и примыкающий к ним земледельческий район; за ним может пасть еще один район и еще один район, а тогда, с возрастанием силы черни, уже не будет никакой возможности их остановить, и существование всего государственного организма, вместе с ним и существование Владычества и даже жизни отдельных владык, подвергнутся смертельной опасности. Необходимо было, в интересах Правильности, ограничить зло одним районом. Все согласились на том, что лучше пожертвовать одним районом, чем рискнуть распространением зла по всему государству. Но как локализовать зло? Верховные владыки не могли придумать какого бы то ни было *modus vivendi* с чернью, с людьми, которые надругались над Правильностью и возвели на пьедестал Вольность; они также не могли придумать, какими собственными силами они могут бороться с разбушевавшейся человеческой стихией; им казалось, что психологический момент был пропущен, владыки, бежавшие из района, совершили великую ошибку: пока еще владыки были в Возвышенном центре, можно было, а потому и необходимо было употребить самые крайние меры на то, чтобы раздавить чернь и оставить только немногих в живых для продолжения рода и размножения, и водворить их в Лабиринте, где они, по своей природе и согласно принципам Правильности, должны быть. Верховные владыки постановили следующее: ввиду того, что для борьбы со злом необходимо собрать войска всего государства для окружения разгромленного района, а это сопряжено с неудобством и даже риском оставить все остальные районы без соответствующей защиты, и ввиду невозможности, в короткое время, создать новую боеспособную армию соответствующих размеров, считается правильным обратиться от имени всего Владычества, к одной из великих и дружественных держав с просьбой об оказании военной помощи. Выбор пал на Россию. Русские войска, известные своей преданностью принципам Правильности, густой цепью окружают весь район и будут обстреливать его до полного разрушения. Все три зоны района со всеми построениями и улицами должны быть превращены в развалины. Все люди должны быть

истреблены действием огня и погребены под пеплом своих жилищ. Таким образом, весь район будет стерт с лица земли. Посредством химических газов и жидкостей, весь железный материал и камень будут превращены в мелкий песок. Весь этот сор, вместе с гниением человеческой падали, дадут со временем хорошую и плодородную почву. Когда, удобренная человеческими трупами, новая почва будет создана, тогда на поверхности этой проклятой земли будут посажены дикие лесные растения, а потом туда будут пущены разнородные дикие звери и, в течение десяти лет, им будет предоставлена неограниченная свобода плодиться и размножаться. Можно надеяться, что через десять или пятнадцать лет на этом месте будет расти образцовый, густой лес, богатый пушным зверем. В этом государстве уже давно ощущается нужда в больших лесах, в которых можно бы было вести правильную охоту за крупным диким зверем. Владычество, в течение уже нескольких веков, ощущает недостаток в развлечениях этого рода. В заключение была выражена надежда, что члены русского правительства, которым дороги принципы Правильности, последуют велениям своего высококультурного разума и поймут глубокое значение предстоящих операций и необходимость их безотлагательного исполнения; взамен оказанной военной помощи, члены русского правительства приобретут одинаковое с владыками право безграничного пользования будущим лесом для охоты на диких зверей...»

На этом месте Димитрий Иванович прервал свое чтение; у него был усталый вид, он опустил руки, державшие документ, вниз и недоумевающе посмотрел на своего отца. Иван Васильевич долго и с напряжением слушал чтение этого документа, и под конец его лицо приняло озадаченный вид. Поняв молчаливый вопрос своего сына, он только коротко заметил:

— У них как-то иначе понимают принцип Правильности; название, как будто, одно и то же, но смысл другой.

Дмитрий Иванович опять посмотрел в бумагу и прочел еще следующее:

«Министерство Иностранных Дел, представляя сие донесение специальной комиссии перед всем населением Великодержавной России, надеется, что каждый глава семейства, по ознакомлении с фактами, изложенными в этом документе, составит свое отдельное мнение по делу возникшей междоусобной и катастрофической войны в государстве Сев. Америки, и подаст свой голос об обязанности нашего Правительства в отношении к предъявленной нам просьбе о вмешательстве. Каждое предложение должно быть сделано в кратком, письменном изложении и немедленно представлено в квартальное бюро для дальнейшего препровождения.

Nota bene. Специальная комиссия и авторы этого донесения рекомендуют для всеобщего руководства принимать во внимание следующие соображения. Происшедший развал в одном из районов Сев.-Американского государства хотя, как будто, начался случайной ошибкой правящих владык, есть результат ошибочного толкования принципов Правильности. События, приведшие к катастрофе, в настоящее время уже непоправимой, были бы в действительности невозможны, если бы истинный принцип Правильности, тот принцип, который руководит нашей собственной жизнью, был бы ими правильно понят и закономерно проведен с тех пор, как началась новейшая эра. Неправильное толкование принципа Правильности и неразумное его применение в течение многих веков заставляет нас думать, что, если в других районах этого государства еще не началось восстание, но пребывает мир, так это есть только мир наружный, кажущийся, случайный. Начавшееся общественное движение есть только естественная реакция многомиллионных масс людей на неправильное приложение принципа Правильности, реакция, которая теперь должна охватить все районы государства и неизбежно приведет к разрушению всего старого, негодного и неправильного. Великие социальные силы, слагавшиеся в глубинах и на дне массовой жизни, прорвались через непроницаемые наслоения, тяготевшие над людьми в продолжение всей истории, и увидели великий и необъятный мир; но неминуемо они

должны обратиться к принципу Правильности и стремиться к его восстановлению, как высшего принципа, едино-истинного и едино-благодатного. Когда лидеры такого великого массового движения обратятся к нам за нашим содействием, нашей помощью или советом, мы тогда не посягнем на дары и поддержку. Мы широко раскроем перед жаждущими света и знания людьми все сокровища нашего многовекового опыта и всеми силами мы им поможем постигнуть глубины и самый источник истинной Правильности. Мы дадим им право неограниченного проникновения во все бюро нашего сложного государственного аппарата, со всеми его разветвлениями, для тщательного изучения всех его многообразных подробностей и его способа превращения в одну стройную систему Правильности, которая ими затем будет с точностью воспроизведена в их обновленном государстве Сев.-Америки.

Правильность да будет единая и вселенская!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Литератор и психолог Натан Моисеевич Фиалко родился в Минске в 1881 г. С 1903 г. жил в США, где получил докторскую степень. Опубликовал философские сочинения *Пассивность* (Париж, 1927), *Passivity and Rationalization* (New York, 1935), печатался в *Journal of Abnormal and Social Psychology*. Роман *Новый град*, впервые изданный в 1925 г., в 1937 г. вышел в Нью-Йорке в авторском переводе на английский язык под загл. *The New City: A Story of the Future*. Н. Фиалко скончался в Нью-Йорке в 1960 г.

Роман публикуется по первоизданию с исправлением наиболее очевидных опечаток. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В оформлении обложки использован фрагмент работы М. Уитерса.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.